

1308 год. Город Назарет.

4 утра. Человек с длинными черными волосами бежит по узкой улице. Его руки по локоть в крови. Глаза не выражают никакой эмоции. Только что он убил двух проституток и теперь пытается уйти от погони. Несколько молодых людей преследуют его. Судя по всему, человеку, испачканному кровью, не уйти — преследователи моложе.

Беглеца зовут Иосиф.

Он думает, что убив проституток, сделал мир чище.

4:20. Иосиф пойман. Он лежит в пыли у дороги. Преследователи избивают его.

6:00. Подвальное помещение.

8:00. Импровизированный суд. Приговор к заключению в темнице на долгий срок.

Можно продолжать бесконечно, но, пожалуй, это материал для еще одной книги. Смысл этого предисловия будет ясен в конце романа.

Арман Китобой.

КОФЕ С ПРИВКУСОМ КРОВИ

Первые лучи солнца просочились сквозь тяжелый занавес. Глеб открыл глаза. Новый день гладил его по лицу прохладной ладонью тревоги. Он уже чувствовал что-то подобное в детстве, когда, просыпаясь поутру, видел, как родители смотрят на него. Он жутко не любил просыпаться под чьим-то взглядом. Но сейчас все было иначе. Во-первых, Глеб понятия не имел, где находится, во-вторых, рядом лежала обнаженная девушка, имя которой он не вспомнил бы даже под страхом смерти.

Он не любит себя. Он — жалкое существо, которое бродит по лабиринтам суррогата свободы и в страхе столкнуться с реальностью. В нем больше нет целостности. Он давно и успешно торгует наркотиками и ему плевать, что происходит с теми, кто принимает их. За пределами его лабиринта живет маленькая девочка с такими же глазами, как у него. Она любит Глеба.

Простите, немного отвлеку вас. Совершим небольшой прыжок в будущее.

Когда я познакомился с Глебом, ему оставалось жить 37 дней. Он вызвал во мне смешанное чувство любопытства и жалости. Он рассказал все. Если человек знает день и час своей смерти — ему нечего скрывать. Глеб вручил мне память, пытаясь освободиться от прошлого. Глыбы каменных слов с грохотом катились по склону воспоминаний. Я научил его убивать тюленя одним ударом. Он показал мне, как можно избавиться от головной боли с помощью обычной воды. Мы были отшельниками; только я, в отличие от Глеба, по собственной воле ушел от людей, и день моей смерти был известен только Богу, в то время как о будущей казни моего друга знали, как минимум, пять человек.

Постараюсь рассказать все, что слышал и видел, но заранее прошу прощения, если начну жонглировать временем и пренебрегать хронологией: все-таки я китобой, а не писатель. У нас еще будет время познакомиться поближе.

По ходу повествования будем периодически перемещаться во времени...

Не хочу слишком далеко забегать вперед. Возвращаю вас в недоброе утро 3 августа 2014 года.

Глеб присел на край кровати, опустив ноги в высокий ворс дорогого ковра, испытывая что-то среднее между тошнотой и головокружением. Руки стали ватными до такой степени, что при желании он не смог бы сжать кулак. Комната была наполнена запахом дорогих духов и выветрившегося шампанского, но над всем этим маячил навязчивый запах мяты. Руки, губы, воздух вокруг — все было мятым, как будто Глеб очутился внутри огромного мятного леденца.

Интерьер в африканском стиле, разукрашенные в пестрые цвета маски. Коричнево-красные тона сливались в одну общую картину чего-то хищного, теплого.

Глеб смотрел на девушку, изо всех сил пытаясь вспомнить события вчерашнего вечера. В какой-то момент тщеславие скользнуло по его спине и проникло сквозь кожу в кровеносные сосуды, показывая, насколько она хороша. Равномерный загар покрывал ее упругое тело. Коричневый

шелк одеяла лежал на бедрах, напоминающая набедренную повязку. Глеб чувствовал ее вкус. Казалось, он пропитался этой девушкой насквозь.

На ковре валялся скомканный банный халат бирюзового цвета. Глеб надел его и отправился на поиски ванной комнаты. Неприятно-яркое освещение ванной еще больше усилило в нем отвращение к наступившему утру.

Глеб выдавил зубную пасту на указательный палец и начал чистить зубы, если такую процедуру можно назвать чисткой. Ванная комната была для него чем-то вроде портала перерождения. Просыпаясь после очередной пьянки в компании незнакомых людей, он чувствовал себя существом из животного мира, пусть и прямоходящим. «*Пойду, превращусь в человека*», — говорил он всегда, перед тем как принять душ и отмыться от ночной оргии, всякий раз пытаясь очистить память при помощи мыла. Сейчас у него было одно желание: как можно скорее убраться отсюда и надеть свежую рубашку, но для этого нужно как минимум найти свою одежду.

Когда Глеб вернулся в спальню, девушка уже не спала. Она сидела на кровати, прикрыв грудь одеялом. У нее были холодные глаза и хрустальные плечи.

— Привет, — сказал Глеб, пробегая взглядом по комнате.

— Не беспокойся, я тоже не помню, как тебя зовут, — равнодушно сказала девушка, поправляя волосы.

«Какая красивая, — подумал Глеб. — И что она нашла во мне? Такие, как я и она, никогда не просыпаются вместе. Великое изобретение — алкоголь, он стирает неравенство, позволяя человеку потерять себя, свое место в жизни и перебраться в другой социальный пласт».

— Отвернись, я оденусь, — попросила она, вставая с кровати.

Глеб отвернулся и заметил, что его одежда лежит у дверей, на выходе из спальни. Не оборачиваясь, он сбросил халат, схватил свои вещи и начал быстро одеваться. Одежда пахла ночным клубом и сигаретами.

— Хочется быстрее сбегать? — вопрос мыльным пузырем приземлился на спину и разорвался на мелкие капли.

— Нет, — соврал Глеб. — Уже можно смотреть?

— Можно.

Потихоньку оживала память:

Короткие джинсовые шорты.

Футболка с надписью «Люблю Барселону».

Ночной клуб «Гауди».

Девушка у барной стойки, и самый глупый подкат в истории человечества: «*Не хотите поцеловать меня?*»

И самый неожиданный ответ: «*Хочу*».

— Меня зовут Ника, и если тебе это интересно, я ни о чем не жалею, — сказала девушка, возвращая похмельное сознание Глеба в реальность.

— Глеб. Я тем более...

— Я в душ. Если не уйдешь в течение десяти минут, можем выпить кофе, если уйдешь — еще лучше.

Глеб проводил Нику взглядом и какое-то время стоял в полной растерянности. Это утро выбилось из общего сценария. Раньше он уходил до того, как девушки успевали проснуться. Явное безразличие к его персоне успокаивало, и он даже засомневался на секунду, не остаться ли на завтрак, но потом быстро опомнился и решил уйти. Шум разливающейся воды покинул пределы ванной комнаты.

Неожиданно по квартире пронесся заволаживающий звук классической музыки. Это был двадцатый ноктюрн Шопена — одно из любимых произведений Глеба. Оригинально — Шопен в дверном звонке.

В зал вбежала Ника, обмотанная полотенцем. Она не успела высушиться. Ее ступни отпечатались на ковре, примяв ворс, и теперь ковер был похож на небольшую полянку, усыпанную снегом, на которой появились первые следы.

— Если это мой муж, то он убьет нас обоих, — тихо сказала она.

Он даже не понял, отчего усилилась тошнота: от появления мужа или от осознания того, что стал героем заезженных анекдотов.

— Ты замужем?!

— Да, умник, я тебе вчера говорила.

— Какой этаж? — спросил Глеб.

— Седьмой.

— Тогда будем надеяться, что это соседка...

Звонок повторился.

— Ладно, слушай меня внимательно, — быстро заговорила Ника, — ты курьер, принес это.

Она подбежала к шкафу и достала из него серебристую коробку.

— Что это?

— Мобильный телефон «Верту», — сказал она.

Глеб держал в руке коробку элитного телефона, постепенно осознавая, в какую неприятную историю он вляпался. Ника за несколько секунд успела нацепить какой-то халат, и теперь они готовы были разыграть эту дурацкую сцену в случае, если за дверью стоял обманутый муж.

Ника резким движением открыла дверь. Подъезд наполнился приторным запахом измены.

— Не помешал? — послышался мужской голос.

Подойдя к двери, Глеб увидел мужчину пенсионного возраста в черном костюме. Выглядел он отвратительно: рост примерно 160 сантиметров, непропорционально длинные руки, пораженные оспой щеки, грязные, причесанные набок волосы и полное отсутствие подбородка.словно он был ожившей работой бездарного скульптора.

Скульптура сделала вид, что не заметила Глеба и, перешагнув порог, поцеловала Нику.

— До свидания, — выдавил Глеб, выходя из квартиры. Дверь захлопнулась, но здесь он столкнулся со вторым препятствием.

На лестничной площадке стояли двое мужчин спортивного телосложения, с явными признаками невысокого интеллекта. Когда Глеб хотел протиснуться между ними, один из верзил ударил его маленькой кожаной дубинкой. Глеб почувствовал резкую боль в области затылка. Ноги подкосились, и он уперся лбом в грудь второму громиле, наполнив легкие запахом пота. Получив удар коленом, Глеб упал как подкошенный. Порванная бровь была первым источником ярких красок в это утро. Кровь сочилась из раны, пытаясь смыть гримасу боли.

— Вставай, красавчик, — услышал он сквозь гул.

Поднявшись на ноги, он получил еще один удар чудовищной силы, и теперь к порванной брови присоединился сломанный нос. Глеб снова свалился, чувствуя, что без помощи уже не в состоянии подняться.

— Бери за ноги, — послышался голос сверху.

Открыв глаза, Глеб увидел, что лежит на ковре в уже знакомой спальне. Сброшенный в спешке бирюзовый халат валялся на том же месте. На

кровати сидел обманутый муж в обнимку с Никой и нежно гладил ее по голове. Ника плакала. При виде Глеба она еще сильнее прижалась к скульптуре.

Возле окна стояли верзилы, не давая дневному свету проникнуть в комнату. Глеб присел на ковер, провел рукой по лицу, для того, чтобы стереть кровь и оглядеться. Опухоль от сломанного носа расплзлась под глазницы, оставив вместо глаз две узкие щели.

— Ой, смотри, кто вернулся, — сказал пожилой, продолжая гладить Нику.

— Андрей, ничего не было, — всхлинула она.

— Конечно, не было, — сказал Андрей. — Он просто что-то забыл. Может, ты должна расписаться о доставке?

Теперь уже Ника обнимала Андрея так, словно хотела слиться с ним, став единым организмом.

— Иди, кофе свари! — проревел Андрей, швырнув Нику в сторону кухни.

— Мы не переборщили, Андрей Геннадиевич? — спросил один из верзил.

— Немного... хотя нет, в самый раз. Молодцы, — одобрительно вздохнул Андрей, затем обратился к Глебу:

— Раздевайся.

— Это еще зачем, — спросил Глеб, который к этому времени уже стоял на ногах посреди зала.

— Или сам, или это сделают мои ассистенты.

Глеб посмотрел на верзил. Тот, который стоял к нему ближе, достал раскладной нож и принялся выковыривать грязь из-под ногтей. Монотонный гул в голове лишил его возможности думать и трезво оценивать ситуацию. Бежать он не может, слишком сильно болит голова, и комната калейдоскопом африканских масок плывет перед глазами. Единственная надежда выжить в подобной ситуации — это так называемая милость победителя. Глеб снял рубашку и брюки. Он стоял в трусах посреди комнаты и чувствовал нестерпимый холод. Казалось, что температура здесь ниже нуля. Привидение, которое еще недавно было Никой, появилось в комнате, двумя руками придерживая чашку.

— Сладкий? — спросил Андрей.

Ника кивнула. Андрей пригубил кофе и разочарованно вздохнул.

— Может, тебе...

— Заткнись. — Она дернулась в сторону. — Почему врешь? Несладкий...

— Я, наверно, плохо размешала, сейчас, — сказала Ника, бросившись к чашке, но Андрей схватил ее за горло своей уродливой рукой и отбросил в сторону.

— Сам справлюсь, что я, маленький...

Верзилы засмеялись.

— Чем бы помешать кофе? — наигранно задумался Андрей, затем позвал к себе опричников и что-то шепнул обоим.

Глеб заметил удивление на лице одного из богатырей и понял, что сейчас произойдет что-то страшное. Скорее, их глаза говорили «зачем???» — именно так, с тремя вопросительными знаками.

Далее события стали развиваться куда динамичнее: один из опричников схватил Глеба за шею и принялся душиить, а второй достал раскладной нож и зафиксировал запястье.

Еще немного, и он потеряет сознание, как это происходит на ринге в боях смешанных единоборств, за исключением того факта, что на ринге можно сдаться и выжить. Все как положено: первые несколько секунд паника, затем наступает ненормальное спокойствие и человек засыпает. Перед тем, как отключиться, Глеб почувствовал тепло, разливающееся от пальцев левой руки до плеча.

— Проснись, Ромео, самое интересное проспишь, — услышал он сквозь туман.

Холодная вода частично смыла кровь с лица. Рядом стояла Ника с чайником. Андрей по-прежнему сидел на диване и размешивал кофе каким-то предметом.

Глеб увидел, что пальцы левой руки обмотаны багровым полотенцем. Он освободил руку и почувствовал острую боль.

В горле застрял крик.

Наспех забинтованная рука кровоточила. Срезанный мизинец очерчивал круги в чашке Андрея.

— Это называется синдром фрезеровщика, — сказал он, отложив палец в сторону.

Боль обезличила все остальные чувства. Глеб прекрасно понимал, что его жизнь сейчас ничего не стоит, но при этом не испытывал страха.

— Она не при чем. Я напоил ее.

Он уже мысленно простился со всеми. Глеб никогда не отличался особой религиозностью, но сейчас перед его глазами мелькали картины Страшного суда, на котором, помимо прочих грехов, придется отвечать еще и за Нику.

— Это правда? — спросил Андрей.

Ника сидела на ковре у ног Андрея. Ее лицо не выражало эмоций. В кармане обманутого мужа пикнул телефон. Он посмотрел на дисплей, затем на Глеба, снова на дисплей, как будто сравнивал изображение на телефоне с внешностью своей жертвы.

— Я тебя спрашиваю, — протянул Андрей, схватив ее за волосы.

— Да. Ты убьешь его?

— А что, тебе разве не плевать, он же незнакомый курьер?

Голова Ники превратилась в маятник.

— Тогда заткнись и вали отсюда. Если через пять минут не исчезнешь, — пристрелю. Квартиру забираю. Здесь все мое. Кроме одежды, ничего не бери.

Ника медленно поднялась и направилась к выходу...

Часто вспоминая то утро, он практически ничего не говорил об избиении и отрезанном пальце. Все это стало для него фоном малодушия. Когда Ника уходила из квартиры, ему хотелось быть на ее месте. Уйти, и пусть Андрей сделает с ней все, что угодно, но только так, чтобы он, Глеб, был к этому непричастен.

После того, как она ушла, воцарилось минутное молчание, показавшееся Глебу вечностью. «Скорее всего, обманутый муж избавился от свидетеля», — думал Глеб, но тут поведение Андрея изменилось, он как будто даже проникся жалостью к своей жертве.

— Ждите за дверью, — обратился он к опричникам,

Снова тишина, словно мир за окном вымер. Немного полежав на диване, Андрей неторопливо встал, потянулся, издал какие-то нечленораз-

дельные звуки и вышел из зала. Через несколько минут он снова появился, неся поднос, на котором стояли два стакана, наполненные напитком коньячного цвета.

— Встань, сколько можно на ковре валяться.

— Ты псих, — выдавил Глеб и сделал попытку подняться на ноги, но сразу потерял равновесие и грохнулся на край дивана, разбив рукой светильник на ночном столике.

— Ну, ладно, не хочешь, тогда приляг, я не заставляю. Ты устал, ночь была тяжелой, — сказал Андрей, поставив поднос на пол.

— Ты все равно убьешь меня, тварь, чего тянешь? — выкрикнул он в отчаянии, с трудом подавляя в себе желание молить о пощаде.

— Тс-с-с-с, — Андрей приложил указательный палец к губам и помог Глебу принять сидячее положение, подперев его со всех сторон подушками.

Теперь Глеб находился в таком состоянии, когда уже нет сил ни сражаться, ни кричать, ни даже разговаривать. Он просто смотрел на Андрея, точнее — сквозь него, и частично воспринимал информацию, поступающую из внешнего мира. Он был уверен, что исчерпал лимит болевых ощущений, и если Андрей выстрелит ему в голову, он ничего не почувствует.

— Вот почему мне вечно снится всякая фигня? — как ни в чем не бывало спросил Андрей, продолжая культивировать идиотизм создавшейся ситуации. — Понимаешь, Казанова, меня уже тошнит от всякого рода кошмаров. Как же хочется увидеть какой-нибудь удивительный сон, от которого осталось бы послевкусие на долгие годы. Увидеть бы во сне... — Он на секунду задумался, затем продолжил: — Увидеть что-нибудь такое — например, я бегу по радуге вслед за единорогом, у которого грива состоит из сладкой ваты, и не могу догнать, но иногда мне удается отщипнуть кусочек его гривы, и я наслаждаюсь ее вкусом на бегу. Кошмары, только кошмары, это несправедливо, не правда ли, Казанова? Что делать?

— Для начала перестань размешивать кофе человеческими конечностями, — сказал Глеб, с удивлением обнаружив в себе способность шутить.

— Ты мне нравишься, Казанова, — рассмеялся Андрей. — Может, я и не убью тебя... Хотя нет, скорее всего, убью.

Глеб хотел сказать что-то важное; то, что обычно говорят перед смертью. Ничего не придумал, только спросил:

— Позвонить можно? Дочке?

— А-а-а-а, вспомнил про семью, гуляка. А что же ты про жену ничего не говоришь? С ней не хочешь попрощаться?

— Нет.

Андрей достал из кармана мобильный телефон и бросил его Глебу. Сенсорный дисплей вспыхнул ярким светом от прикосновения, и на экране появилась девочка лет девяти, со смешными косичками и большими карими глазами. На мгновение Глеб окаменел, словно не мог поверить своим глазам, затем на лице у него появилась гримаса злости, которая лавиной прокатилась по мимическим мышцам и застыла в маске ненависти. Глеб ловким движением метнул телефон в Андрея, разразившись проклятиями. Андрей, видимо, не ожидавший такого поворота, даже не успел увернуться, и довольно объемный телефон угодил ему в лоб, оставив красную полосу на морщинистой коже.

— Откуда у тебя ее фото?

— Страшно? — спросил Андрей, проводя рукой по лбу.

От бессилия Глеб заплакал. Беззвучно, как плачут потерявшие надежду. Слезы текли по рассеченному лицу, обжигая ссадины.

— Пожалуйста, не трогай ее. Сделай со мной все, что хочешь. Ей всего девять лет, не надо...

— Вот теперь можно и поговорить, — сказал Андрей, протирая шелковым платком ссадину на лбу.

— Я приму любые условия, только...

— Да хватит тебе суетиться, конечно, примешь, куда тебе теперь деваться. Слушай внимательно и не перебивай, я буду объяснять подробно, чтобы даже такой тупица, как ты, понял, что нельзя лезть в постель к чужим женам.

Глеб кивнул.

— Скучно мне. Проблема в деньгах. Видишь ли, я богат, умен, а это страшное сочетание. Деньги умножают печаль — это закон, который работает всегда и везде. Но если человек тупой, к примеру, такой, как ты, он не чувствует умножения. А я вот умный, и с этим надо как-то жить.

Глеб молча вслушивался в каждое слово, не рискуя перебить; теперь он думал только о дочери.

— Я понятно объясняю?

Глеб снова кивнул.

— Тебе повезло, сразу убивать не стану. Есть для тебя кое-что интересное. Я, видишь ли, человек со вкусом. Застрелить кого-то и закопать в лесу — это признак дурного вкуса. Ты станешь участником одного эксперимента. Я давно уже ищу подходящего человека.

— Дай слово, что не тронешь дочь, — выдавил Глеб сквозь слезы.

— Это уже зависит от тебя. Будешь выполнять все правила эксперимента, — никто не умрет, а начнешь выпендриваться...

— Все сделаю.

— К делу. Ты отправишься на необитаемый остров и проживешь там 60 дней. Климат суровый, гостиниц нет, с едой туговато. В общем, все, что поймашь в океане, твое.

— Какой еще остров? Зачем тебе это?

— «Мак-Мердо» — так называется остров, а зачем мне это — не твое собачье дело.

— Как я попаду туда?

— Тебе сделают укол, уснешь, а когда проснешься, пойдет отсчет твоего времени.

— А что будет потом?

— Когда время истечет, я приплыву, чтобы убить тебя. Считай, что твоя казнь отсрочена на некоторое время. Правда, здорово? На острове нет деревьев, так что построить плот и слинять — не получится. Представляешь, ты будешь ждать приговор, считая дни и выживая в суровых условиях. Ух... какой же я выдумщик... обожаю себя. Чуть не забыл. Если придумаешь способ слинять, я убью всю твою семью. Так что будь мужиком, раз уж вяпался.

За дверью раздался хохот.

— Заходите, — крикнул Андрей, и дверной проем разродился слугами-великанами. — Все помните?

Новорожденные синхронно подтвердили.

— Тогда действуйте, но предупреждаю: если он умрет раньше времени, я вас собакам скормлю.

Глеб уже не пробовал оказывать сопротивление. Он наблюдал за происходящим со стороны, будто не с ним все это произошло. Правую руку перетянули ремнем, и толстая игла плавно вошла в вену. Тепло разлилось по всему телу. Невесомость... все болевые ощущения смыло волной удовольствия... Сейчас он любит всех, даже громил, которые только что избивали его. Ковер превратился в сочную весеннюю траву, и воздух в квартире наполнился запахом чабреца и мяты. Свет, пробивающийся сквозь занавески, становится тоненькой полоской, а затем и вовсе исчезает...

СЕМЬ ДНЕЙ БЕЗ СВЕТА

Всю последующую неделю, Глеб прожил в холодном, плохо освещенном помещении. Сильнодействующие психотропные препараты заглушили боль и стерли понятие о времени. Чтобы исключить возможность побега, люди Андрея надели на ноги Глеба железные кандалы, скрепленные между собой короткой цепью. Каждые восемь часов железная дверь со скрипом открывалась, и на пороге появлялись «опричники» с очередной дозой. Так было проще: находясь в наркотическом опьянении, Глеб не чувствовал боли, практически не притрагивался к железной миске, в которую раз в день подливали какую-то баланду, и не поднимал шума. Во второй железной миске была вода. В один из коротких проблесков сознания Глеб осмотрел свою камеру: бетонный пол, кирпичные стены, высокая железная дверь. По всей видимости, это был старый гараж. Естественного освещения не было. С потолка свисала маленькая лампочка, мощность которой была примерно такой же, как у света экрана мобильного телефона. На одной из стен были прикреплены полки с различными банками. Тщательно обшарив каждый угол, Глеб нашел старый, пропахший бензином, бушлат и теперь использовал его как матрас. Туалетом служило небольшое пластмассовое ведро без ручки.

Несколько раз стены гаража становились прозрачными, и яркий дневной свет лавиной обрушивался на Глеба, затем кандалы теряли вес, и ему казалось, что это и есть реальность, а все, что случилось с ним недавно, всего лишь ночной кошмар.

Часто в памяти короткими вспышками мелькали дни, когда он жил с женой и дочерью. Вспоминал, как дочка встречала его с работы, с порога извиняясь за непослушание перед мамой.

В один из дней Глебу показалось, что двери открылись и дочь бежит к нему, раскинув руки, как в старые времена, но очнувшись, он увидел, что прижимается к радиатору отопления.

Привожу отрывок из воспоминаний Глеба (практически цитата):
«В те дни я был счастлив, но не знал об этом. Это была настоящая жизнь, но у меня хватило глупости, чтобы все испортить. Ни алкоголь, ни бесконечный поток женщин не помогли забыть семью. Как же это глупо — быть счастливым и не понимать, что ты счастлив». Потом был суд. Мне разрешили видеться с Кирой только раз в неделю, по субботам. В последний раз мы гуляли в парке, а потом, когда возвращались домой, она попросила купить кукольный дом, но у меня не было с собой необходимой суммы. Идиот, ну почему я не поехал домой за деньгами? Почему не купил этот домик? Это была последняя встреча. Последняя...»

Седьмой день в гараже отличался от предыдущих полным отсутствием пищи и наркотиков. Андрей испугался, что психика Глеба не выдержит такой нагрузки и решил вернуть свою жертву в реальность. Глеб к тому времени уже окончательно утратил человеческий облик: грязная, местами порванная одежда, распухшее от побоев лицо, две узкие полоски вместо глаз, неаккуратно намотанная повязка на руке.

С прекращением наркотического сна боль вернулась. Рука пульсировала и невыносимо болела, особенно, когда он случайно прикасался к ней.

После многочасового приступа боли железная дверь в очередной раз открылась, и Глеб увидел Андрея в сопровождении тех самых верзил. В руках у Андрея был стакан с водой. Он протянул Глебу воду и большую красную таблетку.

— Пей, не бойся, это снотворное.

Глеб проглотил таблетку и облокотился спиной на холодную стену. Андрей с верзилами о чем-то совещались, периодически поглядывая на Глеба. Постепенно боль начала угасать, и Глеб почувствовал, что отключается. «Ребята, вы все знаете. Как оставите, сразу звоните», — это была последняя фраза, которая глухо прозвучала под белым, непроницаемым покрывалом сна.

МАК-МЕРДО

Постепенно приходя в сознание после недельного наркотического сна, Глеб пытался составить картину из обрывков последних воспоминаний. Красная таблетка и маниакально-спокойная улыбка Андрея отпечатались у него на сетчатке, память же упорно не желала восстанавливаться.

Глеб открыл глаза, стараясь не создавать шума, слегка приподнял голову и огляделся. Хватило нескольких секунд, чтобы понять, что находится он в каюте. Узкая кожаная кровать закрипела, когда Глеб попытался присесть. Каюта представляла собой пространство из двенадцати-пятнадцати квадратных метров. Напротив кровати, на которой сидел Глеб, чернела лакированная дверь. Слева от двери стоял стол, на котором были разбросаны навигационные карты. Судя по размерам каюты, лодка была небольшой.

Глеб с интересом рассмотрел свою одежду: растянутый свитер на пять размеров больше, бесформенные штаны с армейской раскраской. На ногах — тяжелые сапоги. Только сейчас он заметил, что рука аккуратно перебинтована.

За дверью несколько голосов о чем-то спорили. Глеб прислонился к дверному полотну. Один из них говорил с сильным акцентом, двое других, не располагая большим словарным запасом, почти каждое предложение удобряли матом. Глеб узнал голоса, это были люди Андрея.

Он давно уже оставил мысли о побеге. Сейчас Глеб внимательно вслушивался в разговор своих похитителей, чтобы понять, наконец, что происходит.

Сводило с ума отсутствие информации. Глеб никак не мог понять мотивацию Андрея. Почему тот не убил его сразу, и что еще за эксперимент? Андрей сослался на скуку, но где это видано, чтобы ради развлечения человека забрасывали на край света для того, чтобы тот считал дни до собственной казни? Бред какой-то. Отбросив все мысли в сторону, Глеб старался уловить каждое слово:

— Это моя последняя вылазка, все, хватит, ухожу из Назарета, — жаловался голос с акцентом.

— Не понял...

— Что непонятного? Ухожу! Тошнит от этой работы, от этой лодки, от вас.

— Следи за базаром, капитан, за такие слова можно и отхватить, — возмутился один из опричников.

— Андрей вас уничтожит, если хоть пальцем меня тронете, тупоголовые бараны.

Наступила тишина. Видимо, в голове у опричников закрутились мыслительные процессы. После минутной паузы человек, которого называли «капитан», сказал:

— Ладно, мы почти у цели. Пора будить нашего Ромео.

После этих слов Глеб слегка толкнул дверь, переступил порог своей каюты и оказался в просторном помещении: стены ржаво-оливкового цвета, хорошее освещение, посреди комнаты стол с признаками недавнего веселья, над столом висит неоправданно большой портрет Хемингуэя.

Верзилы Андрея и седой мужчина с аккуратно подстриженной бородой замерли. Глеб не стал подходить близко, дабы не искушать похитителей. Спина покрылась холодным потом, во рту пересохло, и Глеб почувствовал пульс в районе сонной артерии.

Верзилы в теплых меховых куртках коричневого цвета, ватных штанах и высоких армейских ботинках со шнуровкой. Капитан — в черном пальто. Лицо его было сплошь исполосовано морщинами. Мужественные черты, волевой подбородок, безупречная осанка блекли от соседства с двумя громилами. На их фоне капитан выглядел как сурикат, осматривающий свои владения. На безымянном пальце его правой руки Глеб заметил крупный золотой перстень, гравированный большой латинской «N». Очередная вспышка памяти вернула Глеба в комнату Ники, и он отчетливо вспомнил, что точно такой же перстень был на руке Андрея. На ногах капитана блестели лакированные ботинки с острыми носами. После недолгой немой сцены капитан спросил:

— Связывать, или будешь нормально себя вести?

— Где мы? — спросил Глеб.

— Наручники наденьте на него, — сказал капитан.

— Не надо. Слово даю, убежать не буду. Вы же сами должны знать, у меня уговор с вашим главным.

— А хрен тебя знает, вдруг тебе эти олухи голову отбили. Ладно, верю твоему слову. Пойдем.

Они поднялись по узкой лестнице. Впереди шел капитан, за ним Глеб и два опричника. Поднявшись на палубу, Глеб понял, что ошибался насчет размеров лодки. Это была довольно большая яхта длиной примерно 30 метров.

Бесконечный океан очерчивал линии горизонта, а слева по борту чернел небольшой остров, южный берег которого был защищен скалами.

— Вот он, твой остров безнадежности, — сказал капитан, показывая пальцем на скалистый берег.

Опричники отошли в сторону и закурили.

— Что дальше? — спросил Глеб.

— Спустите лодку, — крикнул капитан.

Задание выполнили молниеносно. Надувная лодка с пластиковыми веслами ожидала Глеба.

- Андрию позвоните и сообщите, что мы на месте.
- Зачем вдвоем идти? — спросил один из верзил.
- Чтоб не заблудиться.

Опричники, скрипя зубами, скрылись за тяжелой стальной дверью. Глеб услышал, что они бормотали под нос проклятия.

- Грести умеешь?
- Немного.

— Это тебе, — сказал капитан, протягивая белый конверт.

Молча положив письмо в карман, Глеб спустился по узкой железной лестнице к надувной лодке. На одном из весел скотчем была прикреплена зажигалка.

— Мой подарок тебе, Робинзон, — шепнул капитан.

— Спасибо, — сказал Глеб и, крепко ухватившись за весла, начал грести в сторону скалистого берега.

Погода отражала его внутреннее состояние. Небо было затянуто тяжелыми тучами, от этого вода в океане казалась черной бездной. Порывистый ветер атаковал в спину, продувая свитер насквозь. Руки онемели, но Глеб не переставал грести.

Никогда в жизни он не был так собран, как сейчас. Вокруг бесконечный океан. Ледяные брызги, слетающие с весел, стекали по онемевшим рукам. Прямо по курсу остров, о котором ничего не известно. Нет надежды, нет будущего, есть только казнь, отсроченная казнь, до которой нужно дожить, чтобы спасти тех, кого он любит.

Когда до острова оставалось не более пятидесяти метров, лодку начало сносить прибрежным течением. Глеб уже отчетливо мог разглядеть скользкие скалы. Нужно было доплыть по береговой линии, но течение забрало последние силы. Теперь в каждый взмах веслами он вкладывал крик. В какой-то момент Глеб потерял надежду, подумал, что не справится с течением. Совсем не осталось сил, и он почувствовал приторный вкус отчаяния. Но тут случилось чудо: то ли океан сжалился над ним, то ли небесные силы вмешались, но течение заметно ослабело, и Глеб, напрягая последние силы, подплыл к более низкому участку скалы, по которой можно было забраться на сушу.

ХИЖИНА КИТОВОЯ

Оказавшись на скале, он увидел множество маленьких островов, рассыпанных угревой сыпью по лицу океана. Сложно было определить расстояние между ними, да и смысла в этом не было никакого.

Практически всю поверхность земли покрывала низко стелющаяся трава бледно-зеленого цвета. Казалось, остров похож на заброшенное поле для гольфа гигантских размеров. Примерно в пятидесяти метрах от себя Глеб увидел небольшое идеально круглое озеро.

Прибрежные скалы были высшей точкой над уровнем моря и выглядели как инородное тело. Плешивое тело острова вступало в конфликт с каменистым берегом. Примерно в полукилометре от скал Глеб увидел некое подобие железного вагончика. С такого расстояния невозможно было понять, вагончик это или огромный валун, но и проверить возможности не было. Глеб окончательно обессилел. Сейчас ему хотелось приступить куда-нибудь и перевести дух.

Ветер тем временем усилился настолько, что невозможно было устоять на ногах. Спускаясь, Глеб поскользнулся, скатился по скользким

каменной, разордал плечо и порвал ветхий свитер. У подножия было абсолютно безветренно. Защищенный от ветра скалами, Глеб прошел вдоль прибрежной линии. «Нужно проверить, пресная ли вода в озере, собраться с мыслями и решить, что делать дальше», — говорил он себе.

Дойдя до озера, он свалился на колени, окунул голову в ледяную воду и пил до тех пор, пока не почувствовал боль в горле. Потом он присел у подножия скалы, обтер лицо рукавом и начал молиться. Впервые в жизни Глеб обращался к Богу за помощью. Он не знал ни одной молитвы наизусть. Отчаяние сделало его косноязычным, неспособным мыслить и трезво оценивать ситуацию. Глеб произносил слова, не связанные друг с другом по смыслу. Он был не в состоянии озвучить все, о чем думал, он дрожал от холода, злился на себя, на этот остров, на Андрея, но молиться не переставал. Ко всему прочему присоединился дикий животный голод, он сворачивал кишки, заполнял собой сознание, бил в колокол, поднимая тело на бунт.

«...Если выживут, если они только выживут, — согласен, на все согласен...»

Впервые в жизни Глеб был уверен, что Господь слышит каждое слово.

* * *

Настало время прочитать письмо капитана. Онемевшими пальцами Глеб надорвал край белоснежного конверта и достал из него вдвое сложенный листок в клеточку. Автор размашистого почерка сообщал:

Поздравляю, Глебушка, ты на необитаемом острове Мак-Мердо. Видишь, как здорово, у острова есть название, так что тебе не придется придумывать свой неинтересный вариант. Наверное, успел уже заметить вокруг множество таких же уродливых островов, как твой? А, Глебушка, успел? Так вот, сообщай тебе, что все эти острова являются частью архипелага Кергелен. Это место еще называют «островом безнадежности».

Дай угадаю, ты сейчас думаешь — да на хрен мне эта информация? Правильно думаешь, какая тебе разница, где умирать... Идем дальше: огромное количество воды вокруг — это Индийский океан. Ветер здесь — явление постоянное, не простудись. У тебя теперь будет много забот: выживание и прочие трудности, но я не хочу, чтобы в этой суете ты забыл о своем старом друге. Помни обо мне всегда: перед сном, во время сна, когда будешь с голоду жрать траву и когда тебя будут мучить запоры.

Запускаю обратный отсчет.

P.S. Ты, скорее всего, думаешь, что я подонок. Не сомневайся, подонок, а еще убийца, неисправимый сладкоежка, создатель благотворительного фонда «Милосердие», сутенер, президент клуба любителей современной поэзии, фанат Фредерика Бегбедера, садист, отец четверых детей, обладатель межпозвоночной грыжи и довольно солидного геморроя, и патологически честный человек. Будешь соблюдать наш договор — твои близкие в безопасности.

До встречи.

Какое-то время Глеб душил письмо, будто пытался выдавить буквенный сок. Он был защищен от ветра, но не от холода. По ощущениям, температура была примерно +5 градусов по Цельсию. Разорвав письмо, он

поднялся на ноги, соединил между собой порванную ткань свитера на плече, сделав узелок, и направился в сторону вагончика.

Ветер в буквальном смысле сбивал с ног. Понадобились невероятные усилия, для того чтобы преодолеть эти полкилометра, но результат стоил того.

* * *

Еще одно маленькое чудо — вагончик посреди необитаемого острова. «Вряд ли это счастливая случайность», — подумал Глеб. Скорее всего, вагончик является частью мести.

Глеб окинул взглядом ржавую конструкцию. Вагончик, сиротливо сутулясь в тусклом вечернем свете, представлял собой довольно ветхую постройку. Маленькое окно придавало ему вид одноглазого железного монстра.

Обстановка внутри довольно аскетическая: стены обшиты разнокалиберными досками, на которых проглядывали следы плесени. Посреди комнаты стояла примитивная деревянная печь с вертикальной трубой. У окна располагалась железная кровать на трех опорах. Недостающую ножку заменял камень, на котором был высечен силуэт рыбы. Под кроватью прятался деревянный сундук внушительных размеров. Над дверью висел светильник, по форме напоминающий церковную лампадку. На прогнившем деревянном полу валялись грязные тряпки, с помощью одной из них Глебу удалось закрыть дверь. Один конец тряпки он привязал к ручке, другой намотал на гвоздь, торчащий из короба.

Содержимое сундука: длинная старинная дубленка с добротным мехом и отвратительным запахом, мачете с деревянной рукояткой, глиняный горшок, несколько железных кастрюль, две вилки с погнутыми зубцами, мешочек с солью и сковорода без ручки. Глеб сразу же надел дубленку, почувствовав приятную тяжесть на плечах. Продрогшее тело понемногу согревалось. Отодвинув сундук в сторону, он забрался на растянутую сетку кровати, плотно укутался в дубленку и оценил свои шансы на выживание: деревьев нет, стало быть, печь растопить нечем. Есть светильник, но нет расходного материала: лампадного масла или растопленного жира. Океан под носом — но рыбу ловить нечем. Вода в озере питьевая, но на одной воде долго не протянешь. Благо, есть теплая одежда, которая не даст ему умереть от переохлаждения.

Значит, Андрей что-то скрывает. Остров необитаем, но здесь все-таки развораживалась какая-то серьезная деятельность, иначе зачем везти на «край географии» материалы и строить жилище.

Необходимо согреться и тщательно обследовать остров. Надо продержаться 60 дней, но для начала нужно не сойти с ума в эту ночь — возможно, самую сложную ночь в его жизни.

Лунный свет просачивался сквозь окно вагончика. Глеб пытался уснуть, зная, что понадобятся силы для дальнейшего выживания, но его мучил голод. Есть хотелось настолько сильно, что даже вид чугунной печи вызывал ассоциации с пищей. Глеб изучил все трещины на прогнивших полах, пока лежал неподвижно. Свернувшись под вонючей дубленкой, он чувствовал себя защищенным от внешнего мира. И в момент, когда увидел огромную крысу, которая по-хозяйски разгуливала возле печи, он даже не шевельнулся. Было приятно увидеть живое существо. В другой

ситуации, он схватил бы какой-нибудь тяжелый предмет, чтобы разmozжить голову незваной гостье, но сейчас он увидел в ней друга. У них одна цель — выжить. Крыса заметила нового жильца. Несколько секунд она рассматривала Глеба, потом обежала печь и протиснулась в щель у плинтуса. Он удивился, увидев, как огромное тело крысы поместилось в такое маленькое отверстие.

Поначалу Глеб не мог понять, почему допотопная чугунная печь завладела его вниманием. Странного рода дежа-вю пробуждало приятные воспоминания на чувственном уровне. Память не воспроизводила картины прошлого, но чувственное восприятие согревало и успокаивало.

Только под утро он вспомнил, что все это было. И железная койка, и печь, и прогнившие полы, и крыса, — все это было 28 лет назад, но тогда ему было семь, и родители были рядом.

Обстоятельства требуют небольшого перемещения во времени. Вернемся чуть больше, чем на четверть века назад.

Баку. Узун. Предатель.

28 лет назад родители Глеба были вынуждены покинуть родной Баку. Семилетний Глеб не до конца понимал, что происходит.

Все было похоже на большую игру с непонятными правилами. Например, гоняет Глеб мячик с друзьями на улице, и вдруг во дворе появляются какие-то хмурые типы. Тут же на балконе вырастает отец и движением головы показывает, чтобы он, Глеб, быстро шел домой; а перед сном отец совершал странный ритуал: возле порога ставил топор, а под подушку прятал железную трубу.

Квартира была выставлена на продажу. Почти каждый день кто-то из друзей семьи покидал город. Выходить на улицу становилось небезопасно. Родители Глеба перестали ходить на работу. Надо сказать, что продать квартиру в Баку в разгар известных событий было совсем не легко. Милиция закрывала глаза на любые правонарушения со стороны коренного населения, и зачастую происходили самозахваты. Появлялись бравые ребята с оружием, и уже от их настроения зависело, по лестнице ты покинешь свою квартиру, или через балкон.

Оставалось надеяться, что скоро объявится клиент с символической суммой, втрое ниже реальной стоимости. Почти каждый вечер в маленькой двушке собирались самые близкие, пили чай и строили планы на будущее.

Некоторые моменты из детства мелкими искрами вспыхивали в памяти Глеба. Он вспоминал, как сидел на коленях у отца и слушал взрослые разговоры в эти тревожные вечера, ровным счетом ничего не понимая. Вспоминал нежные руки мамы. Сердце его сжималось от мысли, что он никогда больше не увидит родителей. Почему память возвращает его в далекий 1989 год? Почему его преследует прошлое? У Глеба не было ответа на этот вопрос, как в 89-м году у отца не было слов для того, чтобы отреагировать на предательство друга.

Среди самых близких был человек по имени Валера Тониян. Человек небольшого роста, с испуганно-выпученными глазами. Мама говорила, что он похож на жука, за которого сватали Дюймовочку. Так вот, когда объявился клиент на квартиру родителей, Валера Тониян, как особо приближенный, узнал об этом и за спиной у папы предложил Ахлиману (так звали клиента), свою трешку по той же цене, по которой отец договорился продать двушку. Время было опасное, Тониян боялся. Боялись и ро-

дители, обеспокоенные исчезновением клиента. Тониян по-прежнему приходил в гости, пил чай, виновато ел печенья, купленные на наши последние деньги, и в один из вечеров признался, что увел клиента. Отец Глеба в буквальном смысле онемел. Он был настолько обескуражен, что не смог выговорить даже элементарного матерного слова. Потом уже, спустя много лет, он компенсировал свое тогдашнее молчание, каждый раз прибавляя к имени Валеры заветное слово из четырех букв.

Клиент был потерян, какое-то время никто не интересовался квартирой. Потом появился человек по имени Узун, ростом 2 метра 10 сантиметров, самый большой человек в Закавказье. Его появление само по себе уже было событием. Отец Глеба на фоне Узун выглядел лилипутом. Когда Узун садился на диван, его ноги занимали все оставшееся пространство в зале. Дядя Степа умер бы от зависти, увидев его.

Цена Узун устроила, сделка состоялась, чемоданы были собраны. Наступало время больших перемен. Семья Глеба покинула Баку навсегда. Пучеглазый предатель и закавказская версия Гулливера остались в прошлом. Для родителей эта ситуация была апокалипсисом в миниатюре, в отличие от Глеба, которому все происходящее по-прежнему казалось интересной игрой.

Вот теперь можно вернуться в вагончик, у меня все.

Последнее воспоминание о Баку проскользнуло сквозь железную сетку кровати и просочилось под доски прогнившего пола. «Все закономерно», — сказал Глеб, глядя на чугунную печь, и удивился собственным словам.

Когда Глеба перестало трясти, вид у ржавого вагончика стал куда дружелюбнее. Теперь в нем есть уют. Там, за стенами, дует ветер чудовищной силы. Эта ветхая конструкция теперь больше, чем дом.

Ни рана на руке, ни ободранное плечо не давали о себе знать. Где-то южнее сердца появился теплый свет, который за несколько секунд разлился по всему телу. Глеб точно знал цвет своего спокойствия — ярко-оранжевый. Железная сетка кровати умножилась в несколько тысяч раз, превратившись в безграничное поле. Дубленка слетела с плеч и заняла собою все помещение, застилая потолок и стены. Пространство вокруг Глеба увеличивалось с невероятной скоростью, как будто невидимая рука художника дорисовывала новые комнаты и бесконечные коридоры. Глеб встал с кровати, но не успел сделать и нескольких шагов, как старые доски проломались под ногами, отдавая тело в легкие руки свободного падения. Казалось, он падал целую вечность, и в этом падении была свобода. Затем изменилась плотность воздуха. Полет в бездну сменился медленным погружением ко дну. Неприятно-теплый ветер обволакивал тело Глеба невидимым саваном. Когда он, наконец, упал, ни боли, ни страха больше не было. Исчезла иллюзия необъятности пространства. Глеб лежал на бетонном полу и отчетливо почувствовал запах гаража, в котором прожил неделю. Это было пространство, огороженное железными прутьями. Воздух к тому времени стал настолько вязким, что практически лишил Глеба возможности двигаться. С трудом повернув голову, он увидел в нескольких метрах от себя крысу, ту самую крысу. Близко посаженные глаза брызгали зеленым светом. Крыса легкой поступью направилась к Глебу. Она приближалась, беззвучно ступая по холодному бетону. Глеб уже не мог шевелиться. Когда крыса подошла практически вплотную, Глеб за-

метил, что из ее пасти торчит какой-то продолговатый предмет. Это была посиневшая фаланга мизинца. Крыса выронила палец, и Глеб отчетливо увидел, как она улыбается.

Улыбающаяся крыса — теперь он не сомневался, что сошел с ума. Глеб из последних сил прорвался сквозь вязкое пространство и схватил крысу за горло. Жилстое тело затрепетало в крепкой хватке, и Глеб был уверен, что придушит ее, но внезапно рука стала разжиматься из-за того, что шея крысы увеличилась в размерах.

В зажатом кулаке остался огромный клочок шерсти. Глеб с ужасом наблюдал, как крыса перерождается в другое существо.

Все началось с удлинения конечностей. Лопнула кожа, оголив сухожилия и мышечные волокна. За какие-то несколько секунд крыса превратилась в существо из картин Иеронима Босха. Морда стала более плоской, шея вытянулась, позвоночник угловатыми дисками плавно переходил в короткий хвост. Глеб слышал, как она громко дышит. Когда тело крысы перестало извиваться в судорогах, перед ним стояло уже совсем другое создание. «Такая тварь могла бы родиться в случае союза бойцовской собаки с демоном», — подумал Глеб, уже окончательно убежденный в своем безумии.

Когда чудовище взобралось к нему на грудь, Глеб уже не сопротивлялся. Он закрыл глаза. Почувствовал на себе тяжесть крысы.

Запах.

Крыса пахла болью и безысходностью.

Противно-сладкий запах уныния.

Это же... Точно так... Глеб отчетливо вспомнил утро, как ворвался запах страха в квартиру Ники, когда вошел Андрей.

Вспышки из детства: отец берет его с собой на футбольный матч.

Резкий переход на середину книги жизни...

Дом.

Кира крепко обнимает его за шею.

Крещение. Священник спрашивает, отрекается ли он от сатаны?

Последняя надежда.

Господи, помоги.

Пожалуйста, помоги.

Господи.

Вторая мотивация в его жизни.

Что-то тяжелое падает на лицо. Глеб слышит собственный крик и видит себя сначала со стороны и уже после помещается в пределы собственного тела.

Кровать сломана. Он лежит на деревянном полу вагончика, накрытый железной спинкой. Рядом валяется насквозь пропитанная потом дубленка. Печь по-прежнему на месте. Вагончик дрожит под натиском ветра. Первое утро стучит в окно. Сквозь тонкий слой облаков на остров стекает новый день.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Вчерашний ветер сменил настроение — теперь он бережно поглаживал траву. Небо цвета медного купороса повисло над островом.

Картина запустения.

Если бы не скалы, можно было сойти с ума от однообразия плоского ландшафта.

Наспех починив койку, Глеб направляется к озеру. Брюки заправлены в сапоги, наглухо застегнута дубленка. Небольшое головокружение и тремор — но это норма, когда голоден. Холодная вода сдавила внутренности, уменьшила в размерах гортань и сменила жажду на тошнотворное состояние.

Вскарабкавшись на скалы, Глеб смотрел на остров. Он казался ему намного меньше, чем вчера. Остров хорошо просматривался. На противоположной стороне, у береговой линии, виднелись черные валуны. Океан был спокойным. Глеб чуть было не упал со скалы, когда заметил, что валуны двигаются. Ему было неважно, что там шевелится на берегу: если это живое существо, значит, можно попробовать его убить и съесть. Чувство голода наполнило воздух запахом свежего мяса. Сейчас он готов был впиться зубами в сырой кусок плоти любого животного.

Крепко сжимая рукоятку мачете, он медленно шел в направлении двигающихся валунов. Глеб не помнил, как вернулся в вагон за оружием. Подойдя на довольно близкое расстояние, он увидел, что валуны — это небольшая группа тюленей, лениво развалившихся на берегу. Ситуация осложнялась тем, что в этой части острова не было скал. Глеб считал шаги.

20, 21, 22...

Это скорее был навязчивый невроз, нежели способ успокоиться и постараться не спугнуть жертву.

23, 24, 25...

Еще немного. Осталось буквально несколько десятков метров.

26, 27, 28, 29...

Неимоверными усилиями он сдерживал себя, чтобы не побежать на тюленя.

Их было восемь. Тюлени огромными черными кляксами валялись на берегу. У них была маслянистая кожа и огромные черные глаза.

30, 31, 32...

Они никак не реагировали на появление Глеба. Видимо, впервые столкнувшись с человеком, не видели в нем угрозы. Один из тюленей медленно пополз к воде. Животные лениво перекатывались по песку, и теперь Глеб был уверен, что успеет нанести несколько ударов.

Только бы мачете не подвел.

34, 35...

Последнее, что он запомнил — это взгляд тюленя. Влажные глаза. Полное смирение перед смертью. Глеб отчаянно наносил удары, а когда устал и остановился, то увидел, как кровь стекает в надрезы, окрашивая жировые прослойки тюленя в темно-красный цвет. Голова животного была уничтожена, как если бы в нее выстрелили разрывной пулей.

Небольшой фрагмент тюленя был отрезан от туши. Слизистая масса приятно отягощала руки. Теперь в его вагончике будет свет. Нужно поместить жир в светильник, сделать фитиль и поддерживать огонь. Тюлень огромный, расходного материала хватит надолго.

На пороге вагончика он разрубил добычу на мелкие куски, засыпал солью и, поместив в кастрюлю, оставил на улице. При такой погоде мясо не испортится, тем более засоленное. Емкостью для жира послужил глиняный горшок. Затем он распустил нитку от свитера, продел ее сквозь кусочек жира, поместил все это в светильник и поджег зажигалкой кончик нити.

В комнате появился робкий язычок пламени. Казалось, он стесняется своего присутствия, виновато прижимаясь к стенкам светильника.

Из воспоминаний Глеба:

Когда разделал мясо, умылся на озере, принес две кастрюли воды и соорудил светильник — я был счастлив.

Буквально на секунду.

У меня была вода, еда, свет. Кусочек мяса, обожженный пламенем, я съел практически не прожевывая. Затем, вопреки здравому смыслу, выпил ледяной воды, за что через несколько часов заплатил болью в желудке...

Иностранное тело в иммунной системе острова — вот как можно было охарактеризовать существование Глеба. Необходимо адаптироваться, иначе остров выработает антитела, и он будет отторгнут.

Все эти медицинские термины выбросило волной ретроспективной памяти из далекого 1999 года, когда он проходил обучение в медицинском колледже. Это было интересное время...

Ну вот, опять я тороплю события. Глеб-студент появится на страницах этой книги чуть позже. Сейчас его ждет интересная находка.

Победив голод, он торжественно расхаживал внутри узкого брюха вагончика, постоянно посматривая на пламя, обуреваемый гордостью первобытного человека, которому удалось разжечь костер и накормить себя.

ДНЕВНИК КИТОБОЯ

Ненависть ослепляет? Нет, по-настоящему ослепляет голод, иначе как можно объяснить появление толстой тетради на подоконнике? Только сейчас Глеб заметил ее. Казалось бы, нужно несколько часов, чтобы изучить каждый прыщик этого пространства, но когда ты голоден, внимание привлекают только те объекты, которые можно съесть.

Кожаная обложка тетради была исполосована морщинами, сквозь которые проглядывала надпись «Дневник Китобоя». 102 пронумерованные страницы. Глеб принялся спешно листать дневник, но потом остановился. Это ведь единственная и последняя книга в его жизни, нельзя спешить. Осталось 59 дней до казни. Сегодня он прочитает первую страницу.

Это мой дневник, через несколько глав я появлюсь, и мы познакомимся с Глебом.

«Отец любит меня. Он может убить за меня», — эта надпись большими буквами занимала всю страницу.

Глеб отложил дневник в сторону.

Включаю машину времени, чтобы объяснить степень влияния фразы «Отец любит меня...» Летим...

1988 год. Забытая деревня в Армении. Песок. Змеи. Школа. Первый нокдаун.

Помните, я говорил, что все это (вагон, печь, крыса) уже происходило с Глебом? Теперь подробнее.

После бегства из Баку семья Глеба вернулась на историческую родину, а точнее — в маленькую деревню с названием Масис на юге Армении. Это была настоящая дыра. Сплошной песок, огромное количество змей, жара, — в общем, пустыня Сахара в миниатюре. Один знакомый любезно предоставил свой вагончик для проживания. За день вагончик накалялся, превращаясь в скороварку, в которой тушились Глеб, мама и папа — это летом. Зимой же вагончик становился холодильником. Оставленная в стакане вода под утро покрывалась ледяной коркой.

Отец начал рыть фундамент на небольшом участке земли, выделенном местными властями. Происходило это так: папа копает, а мама сидит у ямы и читает вслух Высоцкого или Есенина — только эти две книги стихов удалось захватить в спешном переезде.

Глеба определили в ближайшую школу — примерно три километра пешком по безжизненной дороге. Школу Глеб прогуливал с разрешения родителей, но для приличия иногда появлялся.

Отец работал в ресторане «Интурист» (Ереван, 18 километров до деревни), героически преодолевая расстояние пешком. Когда он возвращался, а было это практически всегда ночью, его сопровождали стаи голодных собак. Одежда отца была насквозь пропитана ароматами кавказской кухни, плюс в руках пакет, в котором он нес еду. Отмахиваясь от голодных животных, он приходил в вагон, где его ждала мама Глеба. Независимо от того, когда вернется отец, всегда ждала. Если в пакете у отца было что-то вкусное (торт, например, или шашлык), он будил Глеба, и тот с удовольствием уплетал.

Вот так и жили: мама научилась готовить на двух кирпичях летом, а зимой топили печь, точно такую же, как сейчас у Глеба на острове. Воду носили издалека, в ведрах, условий никаких, туалет на улице. Не было даже электричества. С наступлением ночи они закрывались в вагончике и зажигали керосиновую лампу.

В одну из ночей, их разбудил подпрыгивающий плинтус. Глеб с мамой смотрели, как отец, подсвечивая керосиновой лампой, ищет источник звука. Плинтус какое-то время еще попрыгал и успокоился. «Наверно, крыса», — предположил отец и следующей ночью принес с работы мышеловку с мощной пружиной. Зарядили. Залезли на кровать. Ждали...

Ждать пришлось недолго. Плинтус снова затанцевал, затем успокоился, и в полной тишине вагона послышалось легкое шуршание, далее — резкий звук захлопнувшейся мышеловки, потом звук перемещающегося железа по деревянному полу. Глеб от страха взобрался на дужку кровати и сохранял там равновесие вопреки всем законам физики. Отец зажег лампу, последовал за шумом и увидел страшную картину. Удар пришелся на середину черепа крысы, пол был залит кровью, но животное продолжало бороться за жизнь, таская за собой мышеловку. Только после того как отец нанес несколько мощных ударов шваброй, крыса успокоилась. До утра никто не уснул.

Это событие заняло бы первое место в памяти Глеба, но вскоре случилось вот что.

Во время очередного визита вежливости в школу Глеб получил пощечину от учителя физкультуры. Удар был сильным, но Глеб устоял на ногах, несмотря на то, что вспышка фейерверка брызнула из глазниц и слегка поджались коленки.

Несколько слов о физруке: рост выше среднего, плотное телосложе-

ние, неухоженные усы, застиранные спортивные штаны, ядовито-желтый свисток на шее, трое его детей учились в той же школе. Глеба он ударил за непростительную провинность: он посмел пнуть ногой волейбольный мяч.

По дороге домой он репетировал разговор с отцом, задавал себе вопросы и отвечал на них от имени папы. Потом представлял, что будет на обед. Уроков задали много, но он не собирался ничего учить. Следующий визит вежливости будет нескоро, теперь есть веская причина — физрук-сидист.

Огонь на щеке потихоньку угасал. Отдельные угольки-отпечатки пальцев еще тлели, но это уже не имело значения: он дома, мама и папа здесь, самодельный лук со стрелами ждет его под кроватью, сегодня будет хороший день.

— Что с лицом? — спросил отец, откладывая в сторону книгу.

Странное дело, ни во время удара, ни после, он не испытывал обиду, но сейчас, дома, Глеб расплакался и все рассказал отцу.

— Идем со мной, — громыхнул папа.

— Куда?!

— Быстро со мной!

Недалеко от вагончика стоял небольшой кирпичный домик, там жил дядя Юра, мирный старичок и счастливый обладатель «жигулей»-шестерки.

По выпученным глазам папы дядя Юра понял, что лучше отдать машину по-хорошему. В дороге отец скрежетал зубами, шумно дышал и несколько раз переспросил Глеба, действительно ли он говорит правду. Глеб уже пожалел, что рассказал, но было поздно.

Подъехали к школе.

— Показывай.

Сердце заглушало шум шагов, во рту пересохло.

— Вот он, — выдал Глеб, указывая на физрука, у которого только что начался урок.

Дети стояли по стойке «смирно». Отец подлетел к физруку, взял его за ухо и потащил к парадному входу школы. Ненависть к учителю ослепила его. Физрук еле успевал за ним, повизгивая и безуспешно пытаясь спасти ухо.

Зашвырнув физрука в первый попавшийся кабинет (благо пустой), отец обрушился на него градом ударов. Потом, когда устал махать кулаками, бил головой о доску: мой — удар, ребенок — удар, идет в школу — удар, четыре километра, и ты — удар... убую...

Какими-то добрыми ветрами из кабинета внесло директора школы, который повис на папе и представился:

— Директор.

— Вот скажи мне, я неправ? — обратился к нему папа, прекратив смертоубийство.

— Прав, — сказал директор. Его посвятили в курс дела одноклассники Глеба.

То, что еще пять минут назад было физруком, вытекло из кабинета и растворилось в пространстве.

Совершим еще один прыжок во времени, отправимся к повзрослевшему Глебу в период «распада».

О САМОМ СТЫДНОМ

Когда говоришь правду, приходится жертвовать лицом. Пользуясь неприкосновенностью отшельника, позволю себе рассказать историю, о которой лучше бы промолчать. Даже почерк стал корявым, эдакий внутривличностный конфликт на физиологическом уровне, пальцы пытаются переломать хребет ручки и вытащить из нее стержень — спинной мозг, но ничего не выйдет, рука, ты в меньшинстве. Итак...

Ее звали Марина. Безумно красивая, несмотря на большой наркоманский стаж. Глеб никак не мог понять, почему с ней не происходят известные метаморфозы, как со всеми наркоманами. Почти все «системники» отличались желтой кожей, отсутствующим взглядом и повышенной нервной возбудимостью, особенно в периоды, предшествующие ломке, но только не в этом случае. Марина выглядела отлично. Она никогда не платила наличными, что вполне устраивало Глеба. Он относился к ней как к тренажеру по снятию напряжения. Примерно раз в неделю она появлялась, «расплачивалась» и снова исчезала. Работала редко, но потом то ли долги, то ли невыплаченная ипотека заставили ее податься в гетеры на постоянной основе, и тут жизнь Марины заметно усложнилась. Чтобы обезопасить себя, пришлось пойти под крышу к местному сутенеру — так, по крайней мере, была какая-то гарантия, что не вывезут куда-нибудь в темный лес. Работа оказалась непосильной, и через полгода Марина завязала с проституцией и легла в дешевую, но хорошую реабилитационную клинику. Трудом, гимнастикой, медитациями и долгими беседами с психологом избавлялась она от наркотической зависимости и, наконец, избавилась.

Устроилась в автомойку, зарабатывала гроши, при этом умудряясь как-то обустроить дом и аккуратно одеваться.

Глеб, к тому времени уже привыкший к постоянной гостье, затосковал. Сначала он думал, что она нашла более дешевый источник, потом — что ее нет в живых — все варианты рассмотрел, пока Марина отсутствовала несколько месяцев.

В тот период Глеб особенно часто развлекался; бывало, не спал по трое суток подряд, а потом обнаруживал себя где-то за городом, в компании малознакомых себе подобных.

Кровь его была насыщена гремучим коктейлем из гордости, жлобства, постоянного недосыпа и презрения к малоимущим. Всякого человека, зарабатывающего меньше двух тысяч евро в месяц, он считал неудачником.

В один из вечерних рейдов по злым местам, его вместе с небольшой компанией знакомых музыкантов занесло в бар «Октава». Стильное место, столы в виде огромных тамтамов, стулья в форме гитар, даже унитазы напоминали мини-рояли. Когда компания начала праздновать, один из музыкантов вскочил с места и нетвердым шагом направился к уединенному столику в конце зала, за которым сидела девушка. Глеб сфокусировал взгляд на ее ногах, отметил для себя, «что они очень даже ничего», поднялся выше, — «и тут нет замечаний», — а когда рассматривал лицо, никак не мог поверить своему пьяному сознанию. За столом сидела Марина. Потерпевший поражение музыкант уже возвращался обратно с опущенной головой, и вся компания, кроме Глеба, посмеивалась над неудачной попыткой.

— Слабак, — бросил Глеб, наливая себе полный стакан рома.

— Да нереальная она, такие только на большие деньги ведутся, — оправдывался музыкант, ерзая на стуле-гитаре.

Глеб снова настроил фокус, — «она, точно Марина».

— Ставлю ящик рома, что ни у кого из вас не получится, — не уни-
мался музыкант.

— Ящик рома и пинок, — предложил Глеб, приподнимаясь на стуле.

— Принято; разбейте, ребята! — закричал музыкант, хватая Глеба за
руку.

Глеб уже предвкушал победу, представляя, как приложится ногой по
заду старого знакомого и повезет домой ящик хорошего кубинского рома.
Наполнив паруса алкогольным бризом, он проплыл через зал и шумно
плюхнулся на стул, попутно сбив пепельницу со стола Марины и зацепив
локтем бокал с вином.

К великому удивлению Глеба, его появление не произвело никакого
эффекта.

— А, это ты, — сказала она куда-то мимо Глеба.

Музыканты замерли. Он не видел компанию, но чувствовал сверля-
щие взгляды.

— Нашла другую точку? — он достал порошок из маленького паке-
тика, высыпал на стол и превратил пятитысячную купюру в тонкую
трубку.

— Убери это дерьмо с моего столика, — еле слышно произнесла Ма-
рина.

Вдохнув порошок, он потер переносицу, несколько раз чихнул и по-
чувствовал великую наркоманскую иллюзию: «Я супермен, необычайно
красив, умен, обладаю сверхспособностями», что в переводе означает:
«Такие, как я, живут недолго, постепенно теряют человеческий облик и
умирают на грязных матрасах где-нибудь в вонючем притоне».

— Значит так, Марфа, сейчас ты поцелуешь меня, только так, чтобы
вон те голбины видели, — он повел взглядом в сторону друзей.

Лицо Марины начало распадаться. Ром в сочетании с порошком стал
непосильной ношей, но вместо того чтобы умыться холодной водой, он
сделал еще одну дорожку, вдохнул и уставился вопросительно-бараньим
взглядом на Марину.

— Ребята, это ваше? — крикнула она через весь зал, обращаясь к му-
зыкантам, которые все это время ждали развития событий.

— Да, детка, наше, — наперебой заговорили друзья.

— Замолкни, ты что, забыла, кто ты есть? — долговязо произнес Глеб.

— Ребят, если это ваше, заберите скорее, оно пахнет спиртом и тупо-
стью, — громко возвестила Марина, глядя Глеба по голове.

За столиком музыкантов начался настоящий праздник. Тот, кого
«отшили» первым, уже просил официанта принести ящик рома.

Как-то договорившись со своим полуобморочным телом, Глеб поднял-
ся на ноги, опрокинул стол и, схватив Марину за шею, закинул в муж-
ской туалет. Марина отбивалась, и все удары попадали в цель. Она сло-
мала несколько ногтей, когда раздирала лицо Глеба, била коленом в пах,
но Глеб, словно заговоренный, не пытаясь увернуться, размашистыми
движениями разрывал одежду своей жертвы.

Выигравший пари музыкант пришел на помощь Марине, кричал Гле-
бу, что пари аннулировано, но ответом ему послужил увесистый удар
в челюсть, на время лишивший музыканта ориентира в пространстве: он
не сразу попал в дверной проем, выходя из туалета.

Ключьями свисала разорванная белая рубашка, макияж потек, чер-
ты лица заострились, силы быстро закончились. Марина сдалась.

Глеб разорвал на ней юбку, схватил за волосы и швырнул в открытую кабинку.

— Пап, ты крестик потерял...

Он посмотрел по сторонам, — никого. В кабинке, сидя на корточках и закрыв лицо руками, беззвучно плакала Марина. Глеб смотрел на нее, и не мог понять, неужели она назвала его «папа», да еще и точь-в-точь голосом Киры.

— Папа, я здесь.

Резко обернувшись, увидел Киру. Она была в белом платье, будто собралась на школьный праздник.

— Как ты здесь... — Глеб протянул руку, но она прошла сквозь прозрачное тело дочери.

— Я говорю, ты крестик потерял, возьми, — улыбаясь, повторила Кира и протянула Глебу серебряное распятие с порванной цепочкой.

— Это не мое, — он шарахнулся в сторону, — откуда... ты...

— Тогда зачем трогаешь, если не твое? — уже каким-то взрослым голосом спросила Кира.

— Я, доча, — он снова попытался прикоснуться к дочке, но она растворилась в воздухе, и цепочка с крестиком со звоном упала на кафельный пол. Глеб поднял распятие, уставился на него, как будто собирался объяснить свое поведение, не нашел слов и, уткнувшись на колени, подполз к содрогавшейся от рыданий Марине, утопившей лицо в ладонях.

Он никак не мог понять, как это могло произойти. Хотелось обнять ее, но разве ей станет от этого легче? Сказать ей: «Марина, я не виноват, только что мое тело арендовал злой дух, и он сделал в этом теле перестановку, кое-что выбросил на свалку, — разум, например. Ни с кем не советуясь, сломал несущую стену в сознании, отделявшую совесть от животных страстей, и они, эти страсти, заполонили собой всего меня». Но вместо этого он протянул ей крестик с цепочкой со словами:

— Я не хотел срывать его. Возьми.

Она молча взяла крестик, зажала в кулаке и даже успокоилась. Глеб чувствовал себя представителем животного мира.

Они просидели рядом какое-то время, после чего в туалет ворвался наряд полиции. Увидев расцарапанное лицо Глеба и заплаканную красотку в порванной одежде, они на секунду опешили, потом пришли в себя и приказали Глебу вытянуть перед собой руки. Надели наручники.

Помогли Марине подняться на ноги. Она стыдливо прятала руками оголенную грудь. На вопрос полицейского, будет ли писать заявление — отрицательно покачала головой.

— Дура ты. Вас таких, кстати, очень много, — презрительно фыркнул полицейский.

— Дура, — согласилась Марина. — Не лезь не в свое дело.

Глеба отвезли в отделение, сняли отпечатки, заставили ответить на кучу дебильных вопросов: «У вас нет оружия?», «Не знаете, кто в городе торгует марихуаной?»

Далеко за полночь отпустили домой. Он словно лишился внутренностей. Каждый шаг эхом отдавался в пустом теле. Если бы Марина написала заявление или хотя бы выстрелила в него, или еще лучше, плеснула в лицо кислотой, — тогда он чувствовал бы себя намного лучше, но она поступила совсем безжалостно, — простила. Просто ушла, опустошив грудную клетку Глеба.

Чистая победа.

Вертикальные линии на одной из стен вагончика сообщали, что до казни осталось 47 дней. В жизни Глеба появился ритм. Его день был поделен на определенное количество действий. Утро начиналось с похода за пресной водой к озеру. На завтрак кусочек просоленного мяса тюленя, затем процедура фрагментарного купания (отдельные части тела Глеб мыл ледяной водой, купание сопровождалось криками), после которого еще несколько часов приходилось бегать по вагончику в полном обмундировании, чтобы согреться.

Дни длились долго, но еще дольше — ночи. По всем законам умножения тревоги с наступлением темноты становилось совсем плохо. Глеб сидел в обнимку с крохотным светильником, ждал рассвета, засыпая только под утро.

Каждый день он открывал по одной странице «Дневника Китобоя» и странным образом находил в нем созвучия с собственной жизнью. На третьей странице жила надпись:

«Сегодня я столкнулся с собственным ничтожеством».

Эта мысль долго не давала ему покоя, эхом проникая в сознание: «Про тебя... про тебя... это про тебя...»

23 дня на острове. Чтобы не сойти с ума, Глеб научился вести внутренний диалог. Еще он придумал невидимого собеседника, перед которым отчитывался за каждое действие. Крыса, с которой Глеб познакомился в первый день, стала постоянным гостем. Она приходила каждый день, занимала привычную позицию наблюдателя у печи и, как только получала свой кусок мяса, исчезала в отверстии плинтуса. «Все лучше, чем есть в одиночестве», — думал Глеб, глядя, как быстро уменьшается запас мяса.

Скоро придется идти на охоту. Отрезать от туши убитого почти месяц назад тюленя небезопасно.

Очередной вечер размытыми красками проступил сквозь медно-купоросное небо. Язычок пламени дрожал на новом фитиле, будто боясь, что вагончик не справится с натиском ветра. Глеб пытался наточить мачете о камень, заменяющий одну из ножек кровати, когда услышал стук в дверь.

Он замер.

Скорее всего — галлюцинация... или крыса... или что-то еще...

Стук повторился.

Глеб отложил мачете в сторону и медленно подошел к краю окна.

— Откройте дверь.

Отвязывая веревку, он успел молниеносно пропустить сквозь себя тысячу мыслей, но все они сводились к общему знаменателю: «Если это человек Андрея, нельзя сопротивляться, иначе Кира умрет». Пальцы не слушались, адреналин аннулировал мелкую моторику. Для того, чтобы отвязать узел, Глебу пришлось сильно упереться запястьем в короб.

На пороге стоял высокий худой мужчина в черном пальто. Ветер пытался сорвать с него меховую шапку. В правой руке он держал светильник средневековой конструкции.

— Арман, — представился он.

Это я, автор книги. Помните, я говорил, что приду через несколько глав и скажу Глебу, что он живет в моем вагончике? Пришло время познакомиться ближе.

Арман Китобой, 67 лет.

Мама русская, папа француз.

Отшельник, писатель, единственный житель острова Хау. Остальное чуть позже.

Сразу хочу внести некоторую ясность по поводу непонятных названий островов:

Кергелен (где мне посчастливилось познакомиться с Глебом) — это архипелаг. Главный остров с одноименным названием — временно обитаем. Несколько месяцев в году там живут ученые, проводящие никому не нужные исследования и нещадно жрут пингвинов. Вокруг главного острова россыпью раскиданы маленькие участки суши; вот эти участки — необитаемы. Мой остров Хау торчит по соседству с островом Глеба (Мак-Мердо); на лодке, примерно, 15 минут грести. Вагончик, в котором живет Глеб, был моим домом в течение семи лет, но в один прекрасный день я отправил свою веселую лодку на разведку и нашел Хау.

Если перевести роман в плоскость настоящего времени, то я сейчас стою на пороге и мерзну, с интересом разглядывая невестку откуды взявшегося человека, который поселился в моем «загородном доме».

Еще одна важная поправка. Повествование буду вести от третьего лица. Мне больше нравится позиция стороннего наблюдателя. Возвращаемся в сюжет...

— Ты человек Андрея?

— Что? Кто такой Андрей?

— Мне сказали, что остров необитаем.

— Мне тоже так сказали... Это мой вагон, могу доказать за три секунды.

— Сначала протяни руку.

— Левую или правую?

— Не важно.

— Ладно, — раздраженно буркнул Арман, вытягивая перед собой обе руки.

Глеб прикоснулся к шершавой ткани пальто, — «видимо, не моложе светильника», — затем присел на пороге.

— Первый раз в жизни так долго пытаюсь попасть к себе домой — уже можно руки опускать? — весело произнес Китобой.

— Время пошло, доказывай, что вагон твой.

— Я смотрю, ты хозяйничал в моем сундуке, — Арман поставил светильник на печь. — А теперь слушай... — Он перечислил содержимое сундука, затем открыл дверь и жестом попросил следовать за ним.

— Ничего не замечаешь?

— Нет.

— Вот видишь, белоручка, будь ты внимательнее, сейчас бы не дрожал от холода и питался бы жареным мясом.

— Ты думаешь, что с помощью внимательности можно поджечь несуществующие дрова? — закричал Глеб. — Да кто ты такой?

— Я же сказал, Арман Китобой.

— Пошел ты на хрен, Арман Китобой, — распалаялся Глеб, потому что ему было страшно.

— О, представляю, как тебе будет неудобно за эти слова, после того что я собираюсь сделать... Видишь, трава везде примерно одинаковой ве-

личины? — улыбался он. — А вот здесь... — Арман отошел на несколько метров от вагончика, опустил руку в рдеющую траву и со скрежетом потянул на себя довольно внушительных размеров деревянную дверь, — Оп-ля!

Внезапно образовавшийся погреб потряс Глеба, как если бы Китобой достал из кустов птеродактиля.

— Подержи крышку, я схожу за фонарем, — предложил Арман, — спустимся. — И сразу же добавил, заметив подозрение во взгляде Глеба: — Я первый пойду, с фонарем, ты за мной. Иначе тебе будет страшно. А знаешь, почему я не боюсь?

Глеб отрицательно покачал головой.

— Человек, убивший кита, навсегда теряет страх.

Они спускались по узкой лестнице, вдыхая запах сырой земли. Светильник позволял рассмотреть каждую трещину на стене. Перешагнув последнюю ступеньку, оказались в просторном помещении, доверху набитом деревянными ящиками.

— Вот оно, мое сокровище, — протянул Арман, напомнив Глебу толкиеновского Голлума.

— Что в них?

— Брикеты спрессованного угля.

Глеб достал один из брикетов. На вид кирпич, только черный.

Китобой поставил светильник на землю и замер в позе «ну что, спас я тебя от переохлаждения?». Как он и предсказывал, Глеб почувствовал легкий укол совести из-за того, что наорал на Китобоя.

Арман распалил три брикета. Пламя слизало черноту в утробе печи. Воздух в вагончике стал сухим. Щеки и уши горели, как в детстве, когда, после долгого катания на санках, попадаешь в теплое помещение. Впервые за много дней Глеб снял дубленку. Арман по-хозяйски залез на кровать, скрестил ноги в лотосе и спросил:

— Теперь веришь?

— Да, но я никуда не уйду, — тихо сказал Глеб, на всякий случай поддвигаясь ближе к мачете.

— Раз уж ты наглым образом поселился у меня, может, расскажешь, кто ты? Что делаешь здесь? Как добрался?

В тот вечер он рассказал многое. Впоследствии, когда мы стали периодически видеться, он дополнял свой рассказ новыми деталями, событиями из прошлого, на основе которых я написал эту книгу.

Я не говорил ему, что пишу, но каждый раз, возвращаясь к себе на остров, старательно извлекал из памяти весь наш разговор и переносил его на бумагу.

— Можно спросить?

— Угу.

— Где ты был все эти дни? Я исследовал остров, больше здесь негде жить.

— Я был на Хау — это маленький остров, примерно в километре отсюда.

— Он обитаем?

— Нет... не считая меня.

— Там тоже вагон?

— Небольшой домик. Раньше там жил монах-отшельник, он давно умер, теперь живу я.

— А зачем ты приплыл сегодня?

— За мясом. Здесь у тебя частенько тюлени появляются. Я периодически приплываю, остаюсь с ночевкой, чтобы рано утром отправиться на охоту.

Тепло проникло в каждый угол вагончика, несмотря на многочисленные щели и сквозняки. Возможно, появление Китобоя спасло Глеба от пневмонии или заворота кишок, вызванного употреблением сырого мяса, но после того, как условия выживания стали лучше, мысль о предстоящей смерти выросла до исполинских размеров. Она упиралась затылком в медно-купоросный небосвод, широкими рукавами сдавливала остров, дышала ветром. Она запустила костлявые пальцы в траву, сделала горькой воду и каждый вечер проникала в затылок головной болью.

— Я лягу на полу, — сказал Глеб и только потом вспомнил о существовании крысы.

Нет, спать он не будет, одна только мысль о том, что он проснется ночью от шекотания крысиных усов, вызвала рвотный рефлекс.

— Было бы благородно с моей стороны сказать: «Нет, что ты, ты же гость, на полу буду спать я», но этого не будет, — вяло пробормотал Арман, вставая с кровати. — Мясо давай.

— Что?

— Доставай мясо, пока печь горячая, пожарим пару кусков. Ненавижу засыпать голодным.

Запах жареного мяса вызвал у Глеба головокружение. На основании печки шипели два куска тюленины. Слюна вырабатывалась так активно, что он едва успевал глотать ее. Вкусовые рецепторы взбунтовались. Впервые в жизни он питался запахом, насколько позволял объем легких.

Ловко пользуясь мачете, Арман переворачивал куски. Когда вид у мяса стал золотисто-коричневым, сказал:

— Вилки неси, должны быть две штуки...

Глеб быстро откопал в сундуке две искореженные вилки. Зубцы плавно вошли в прожаренную вырезку, и Глеб откусил первый кусочек, обжигая небо. Он ел с закрытыми глазами. При укусе мясо выпускало сок. Глеб несколько раз поперхнулся. Челюсть устала пережевывать, он делал перерывы на несколько секунд и снова накидывался на еду.

— Ты что, оглох? — разозлился Китобой, не получив ответ на вопрос, прозвучавший много раз.

Глеб обнаружил себя сидящим в углу у двери, с вилкой в руке.

— Спасибо.

— Да не за что. Я семь раз спросил, вкусно или нет, а ты ноль внимания. Как собака, забился в угол с куском мяса и глотал, не прожевывая.

— Вкусно. Ничего вкуснее не ел.

— Разрешаю пользоваться волшебным подвалом. Если твой рассказ — правда, ты не успеешь спалить много угля.

Глеб кивнул.

— Как монаха-отшельника занесло на твой Хау? — уже спокойно спросил Глеб, подавив животные инстинкты.

— Долгая история.

Глеб постелил дубленку на пол. Он боялся, что уснет, поэтому присел, поджав под себя ноги по-турецки. Тусклый свет светильника поре-

зал ночь на куски, позволяя некоторым фрагментам тьмы мирно покоиться в различных участках вагона.

— У монахов нет денег. Как его занесло на Кергелен?

— До монашества он был детским тренером по плаванию. Сделал хорошую карьеру, заработал много денег и врагов. Методы у него были суровые: бил подзатыльники, орал, даже дрался несколько раз с родителями своих учеников. Одной из учениц показалось, что тренер трогал ее за интимные места, и она все рассказала родителям. Доказать ничего не смогли, но работу он потерял. Отец девочки хотел разобраться по-мужски, пришел с друзьями и избил тренера до полусмерти. Три месяца больницы, различные прогревания, восстановительные процедуры, и тренер снова был на ногах. Купил битую в спортивном магазине, пришел на работу к своему обидчику и переломал тому ноги на глазах у всего коллектива. На суде вину признал. Сел на четыре года. В тюрьме выучил английский и французский. Вышел. Ушел в монастырь.

Речь Армана потихоньку угасала, последние фразы он произнес, подавляя зевоту.

— А на остров как попал?

— В монастыре стал келейником почитаемого старца. Превратился в безропотного христианина, поднялся в глазах братии и принял послушание от настоятеля исповедовать паломников, — уже с закрытыми глазами продолжил он чуть ли не шепотом. — Вылечил депрессию одного богатого психопата. Психопат стал приезжать каждый месяц, привозил продукты для всей братии, делал большие пожертвования и жутко достал тренера просьбами принять от него какой-нибудь подарок. Тренер в шутку сказал, что его раздражают монахи, и было бы неплохо поселиться на необитаемом острове.

Психопат кивнул. Уехал. Через месяц появился с подарками. Нашел тренера, который не успел спрятаться от него в монастырской пекарне, и сообщил, что на острове все готово. Психопат серьезно потратился, завез деревянный сруб на остров, притащил туда бригаду строителей, построил дом, заготовил уголь.

— Как звали монаха?

— Не знаю. Станный был тип, просил называть себя «сволочь». Мы познакомились за неделю до его смерти. Он разрешил пожить у себя, если я буду помогать... Потом он умер, потом я стал приг... он... — речь превратилась в невнятное бормотание, несколько раз изменила тембр и стихла вовсе, уступив место ровному дыханию мирно спящего человека.

Огонь в печи понемногу угасал, но не было необходимости добавлять новые брикеты угля. Вагончик хорошо прогрелся. Танцующие языки пламени превратились в тонкие нити остывающего вольфрама и больше не отбрасывали уютный, желтый свет через неплотно закрытую дверцу печи. Светильник теперь в одиночестве боролся с ночью.

Ветер успокоился, и только мирное дыхание Китобоя и звуки остывающей печи нарушали тишину вагончика. Глеб скрестил ноги как медитирующий буддист и всячески боролся с желанием прилечь. Сон обволакивал его в теплое одеяло усталости, закрывал глаза своей уютной пухлой ладонью, но Глеб постоянно думал о крысе. Если он уснет, крыса может прийти и укусить, и тогда он умрет от какой-нибудь болезни, передаваемой грызунами, а если он умрет, умрет и Кира. Два этих слова «Кира умрет» сводили его с ума. Этого не должно быть. Это

противоестественно. Эти девять букв не могут стоять рядом, им тесно, они ненавидят друг друга. Остров возвел любовь к Кире в степень бесконечности. Глеб вспомнил, что, возвращая дочь домой после очередной воскресной прогулки, его хватало на несколько дней, и где-то под вечер среды он снова торопил время, чтобы наступило заветное воскресенье и он повел бы Киру сначала в парк аттракционов, потом они пообедают в какой-нибудь забегаловке под открытым небом, будут вместе планировать летние каникулы на море, мама не будет против, она, конечно, разрешит; и, уже окончательно уставшие, они вернутся под вечер домой. Он поцелует Киру, послушает постепенно отдающийся звук шагов, затем скрип открывающейся двери, плохо различимые голоса... она помашет ему рукой из окна своей спальни, задернет шторы, и он увидит, как невесомая ткань закрывает перед ним целый мир... Мир, в котором он был счастлив. Мир, который они создавали вместе с бывшей женой, за стенами, казалось бы, пуленепробиваемого брака. Мир, в котором навсегда останутся первые слова Киры, первые шаги.

Но была и другая реальность, где сердцебиение подстраивается под ритм клубной музыки. Где кодовые СМС сообщали ему, куда и в каком количестве доставить товар. Где постоянные клиенты превращались в зомби. Территория больших денег, доступных женщин, запаха смерти и белого порошка. Он жил в этом мире шесть дней в неделю, довольный положением вещей. Он уже купил квартиру для Киры и открыл в банке счет на дочь, который пополнялся с каждой сделкой...

Периферическим зрением Глеб заметил, как легкая тень скользнула под кровать. Стараясь не шуметь, он наклонился в сторону и увидел крысу. Она прижалась к сундуку, немного пригнувшись к полу, как кошка во время охоты на голубя. Казалось, что крыса увеличилась в размерах с их последней встречи. Она была достаточно близко, чтобы можно было разглядеть упругие лапы, мышечную грудную клетку и невозмутимые глаза, как у профессионального бойца без правил на пресс-конференции по поводу предстоящего боя. Ее привел запах жареного мяса. Глеб с ужасом подумал о том, что на запах могут прийти и другие представители животного мира. «Надеюсь, ты крысобой и непустишь на свою территорию себе подобных», — сказал Глеб, положив перед крысой кусочек мяса, недоеденный Арманом. Крыса приняла подарок. Черное тело исчезло в дыре у плинтуса.

Простите, что ворвался в жизнь главного героя, не представившись. Арман — персонаж книги, мерз на пороге, в отличие от Армана, пишущего эти строки и еще мне не хотелось тормозить сюжет, отсюда и беспардонное вторжение...

Итак, продолжу.

Не буду мучить вас классической биографией «родился», «учился», «напился» — скука. Скажу только самое главное. Я десять лет служил на китобойном судне «Генрих». Главным образом из-за денег. Кергелен мы использовали в качестве базы, иногда временной стоянки. Возвращаясь с очередной охоты, я давал слово, что больше не выйду в море, и всякий раз слово это нарушал. Не получилось жить среди людей. Они раздражали меня желанием создавать семьи, зарабатывать деньги, строить дома, рожать детей; в общем, во мне проснулся

матросов высшей пробы, ненавидящий любой социум, стремящийся к порядку. В море все иначе. Ты привыкаешь к команде, хотя многие из них идиоты, и радуешься уже тому, что количество этих идиотов не увеличится. Во время очередной стоянки на Кергелене я решил остаться. Капитан и вся команда не скрывали радости. Они даже помогли устроиться. Один из матросов рассказал о монахе-отшельнике, а что было дальше, вы знаете. Смешно было наблюдать, как они суетятся, подбадривают и боятся, что я передумаю... Я никого не люблю. Даже себя. Давно уже покончил бы с собой, но страх перед преисподней сдерживает. Я понимаю, что скорее всего попаду в ад, но событие это не тороплю, поэтому и мысль о суициде оставил... Вот теперь все.

Возвращаемся в сюжет.

Сначала Глеб сидя смотрел на логово крысы, затем позволил себе прилечь. Периодически он отключался на несколько минут, вскакивал, чувствовал бодрость какое-то время и снова засыпал. Под утро он перестал бороться. Провалился в уютный, осколочный сон.

Снилось озеро у скалы Данте.

Он наклонился попить воды и в прозрачной воде увидел огромную рыбу. Она слегка покачивала хвостом, оставаясь на месте. Глеб почувствовал небывалую силу в руках. Он опустил руки в воду, медленно, стараясь не спугнуть добычу.

Рыба оказала сопротивление, Глеб упал в озеро, холод насквозь пробил его измученное тело, но в своем оцепенении он четко осознавал неимоверную силу в руках.

На какой-то момент борьба перенеслась на дно озера, и Глеб нисколько не удивился умению дышать под водой. Цепкими пальцами он впился в скользкое тело рыбы, бил ее о каменистое дно. Когда рыба ослабла, он оттолкнулся двумя ногами о булыжник, заросший зелеными водорослями, и быстро выплыл на поверхность.

Уже на берегу, безуспешно пытаясь впиться зубами в скользкое тело рыбы, не понимал, где заканчивается его тело и начинается земля. Он чувствовал еще отдельные части тела, руки — только по локоть были его, — остальное принадлежало острову. Он стал как бы частью пейзажа, замерзшим изваянием, из которого потихоньку утекает жизнь.

Неприятно липкий рот с трудом открывался в очередной попытке прокусить скользкое тело рыбы. Острая чешуя исколосовала губы на миллионы маленьких порезов, но труды не пропали даром: он все-таки впился зубами в расчищенный от чешуи хребет рыбы, едва не поперхнулся брызнувшим соком, сладко жевал живую плоть. Снова и снова откусывал новые куски от добычи, пока не услышал громкий хруст.

То ли хребет затрещал под его зубами, то ли сломалась челюсть от непомерной работы.

Он даже не сразу понял от чего проснулся, может, от хруста перебитого хребта рыбы или от чего-то еще... Перед глазами расплывалась кожа, как будто Глеб смотрел на нее через увеличительное стекло. Тут он, наконец, понял, что впился зубами в собственное запястье.

В эту же секунду в вагончик ворвался умопомрачительный запах жареного мяса. Сквозь пелену сна он проглядывал в реальность острова, различал уже знакомые предметы.

Арман сидел на корточках возле печи.

— Завтрак готов, ваше величество, — сказал Китобой, взглядом при-
глашая Глеба.

В печи полыхал огонь. Горшочек с мясом стоял у кровати.

— Тюленину выбрось, иначе отравишься. Ее надо хранить в прохлад-
ном месте, — словно прочитав мысли Глеба, выдал Арман.

— В погребе, где уголь?

— Да, можно.

Глеб кивнул и впилился зубами в прожаренный кусок мяса. Сок стекал
с подбородка. Глеб закрыл глаза от удовольствия.

— Ты добрый волшебник, Арман, — сказал он набитым ртом.

— Ну, ты и ешь, — засмеялся Арман. — Я даже боюсь тебя в этот мо-
мент, если прикоснуться к твоему куску, руку откусишь. Ладно, закан-
чивай, нам пора на охоту, пока твои друзья-тюлени не разбежались.

Глеб на ходу доел остаток стейка, в спешке набросил на плечи дуб-
ленку и вышел из вагона вслед за Арманом. Ледяной ветер в одно мгно-
вение рассеял остатки сна, заставив мигом застегнуться на все пуговицы
и утопить подбородок в воротнике. Арман шел чуть впереди, сжимая
мачете, с таким умным видом консультируя Глеба, словно речь шла не о
тюлене, который, в принципе, не против, чтобы его убили, а о страшном
хищнике, что может дать отпор.

— Запомни, как я это сделаю, это сэкономит твое время. Ты убил сво-
его тюленя как маньяк, разрубил на куски — это не охота, понял? Пра-
вильно убивай — и животное не будет мучиться в предсмертной агонии,
и совесть будет чиста.

«Что он несет: «Правильно убивай, и совесть будет чиста»! А впрочем,
пусть говорит, что хочет, — думал Глеб. — Он мой спаситель. Пусть хоть
в морду мне плюнет».

— Все понятно? — спросил Арман, когда жирные кляксы тюленей
обозначились на берегу.

— Да. Ты убиваешь — я учусь.

Все произошло быстро. Один удар чудовищной силы. И откуда
столько мощи в этом худосочном старике?! Перед тем как нанести удар,
Арман несколько раз показал Глебу, под каким углом и как... Тюлень без
интереса рассматривал своих убийц, тем самым возводя это преступление
в совершенно иной статус. В принципе, он принес себя в жертву, избав-
ляя в перспективе своих собратьев от участи расчленения, которую уст-
роил Глеб в первую охоту.

Лодка Армана исчезла в утреннем тумане. Глеб проводил его, еще раз
поблагодарив за все. Довольно приличный запас мяса теперь хранился в
подвале. Угольных брикетов хватит на весь срок.

«Я буду приплывать периодически, пока ты жив, хоть будет с кем
пообщаться. Если твои убийцы нагрянут раньше времени, ничего не го-
вори обо мне, вдруг испугаются свидетеля», — выкрикнул он с отплыва-
ющей лодки.

Мужество, с которым Глеб просчитывал дни до казни, как это ни па-
радоксально, держалось на страхе. Он научился убивать мысли в зароды-
ше. Он понял, что воображение — это самый быстрый в мире художник,
и нужно вовремя отнять у него кисти или разорвать холст, иначе абстракт-
но предлагаемые обстоятельства укрепятся в сознании и станут твоей ре-
альностью до тех пор, пока не потускнеют краски, и тогда воображение
очистит холст для нового рисунка.

*Из дневника Китобоя.
«Ночь умножает страхи».*

Мачете вырезал на стене три фигуры, отдаленно напоминающие зайцев. Глеб никогда не умел рисовать, вырезать тем более. Корявая настенная роспись раскрывала перед ним необъятное пространство, в котором нет крыс, голода и ожидания смерти.

После появления Армана не надо думать о завтрашнем дне. Ничего теперь не имеет смысла, кроме единственной цели — сохранить свое тело для расправы. Будет ли у него последнее желание, он точно знает, что пожелать. Поговорить с Кирой хотя бы пять минут. Поговорить ни о чем. Задать ей какой-нибудь банальный вопрос, например, «Как дела в школе?» и просто слушать ее голос, наивные рассказы о «предательницах»-подругах, о том, как трудно учиться. Теперь он думал об этом каждый день. Он носил эту мысль за пазухой, укладывал ее спать рядом с собой, прятал от ветра. Это же закон! Неужели Андрей откажет...

Вечер развесил темно-синие ткани по всему острову. Еще один долгий день закончился. Глеб закрыл глаза. «Кира, хочешь сказку про зайцев?» — тихо произнес он, словно она сидела рядом.

Он уже знает ответ: «Хочу про Колю, Петю и Рому» — это ее любимая сказка. Глеб придумал ее, когда уже нечего было читать на ночь. Кира просила каждый вечер по сказке, не давая воображению Глеба отдохнуть. Чего только не случалось с зайцами. Где только они ни были.

«Давай про зайцев», — услышал он голос Киры откуда-то из другой жизни.

Эта примитивная сказка была единственной вещью, про которую можно сказать: это только наше с Кирой. Наше. Больше ничье.

— Слушай.

— Па, только не страшную историю. И чтобы приключение было.

— Хорошо. Однажды они забрели в темный лес.

— Ну, пап...

Она смеется, зная сценарий: они немного подурачатся, потом она повернется на бок и будет слушать историю, придуманную на ходу.

Он мысленно выходит из комнаты.

Темная кухня.

Монитор компьютера.

Глупый фильм. Он выигрывает время, сославшись на работу, чтобы Карина успела уснуть. Так он избежит неловкого молчания. Ночь напомнит, что он предатель. Список женщин рос с каждым днем, молодые наркоманки, готовые за дозу сделать что угодно, плюс дуры из ночных клубов. Но и этого оказалось мало: он завел отношения с одной из подруг Карины. Ложь вошла в привычку. Наполненный тщеславием, он оправдывает терпение Карины любовью. Он не может понять очевидную вещь, — его терпят только ради Киры...

Каждый раз ему хотелось поселиться в воспоминаниях. Он вытаскивал себя за волосы, гнал пинками из прошлого. На острове все было максимально сконцентрировано. Все, кроме страха смерти.

Невыносимо длинные дни складывались зарубками на стене. Наступил сезон ветров. Если раньше ветер доставлял неудобства в перемещении по острову и раздражал слух вечным воем, то теперь он стал настоящей проблемой. Постоянная борьба с порывами забирала все силы. Дорога к пресному озеру превратилась в полосу препятствий.

За последние десять дней Арман приплывал дважды: один раз за тюленем, другой — непонятно зачем. Оба раза с ночевкой. Он постоянно задавал вопросы, делал какие-то пометки в блокноте, загадочно улыбался и бесил Глеба своим циничным отношением к его будущей казни. Когда Глеб спросил в открытую: «Ты, сволочь, не мог хотя бы притвориться, что тебе не все равно?» — он ответил:

— Я пишу о тебе книгу, балда. Радуйся. Если она выйдет, будешь оправдан перед семьей...

— Какую еще книгу?! — заорал Глеб.

— С захватывающим сюжетом и грамматическими ошибками. Прости, я же китобой все-таки.

— Никто не напечатает ее, можешь не тужиться.

— Напечатают, потому что правда.

Я оказался прав, книгу напечатали.

Предлагаю оставить нашего героя в покое на некоторое время. Хочу рассказать историю из детства Глеба. Я услышал ее после нашей второй охоты на тюленя. Он считает, что история смешная, хотя ничего такого я не заметил, — может, у меня чувства юмора нет?

— Расскажи самый смешной случай из своей жизни, — попросил Арман.

— Я переспал с женой маньяка. Смешно?

— Не очень.

— Это как посмотреть. На моей надгробной плите должна быть надпись: «Что ты знаешь о невезении?» Пусть к ней водят нытиков, считающих себя невезучими.

— Теперь смешно. Но все же...

— Ладно, — сказал Глеб, — расскажу.

— Отлично, — оживился Арман.

— Только можно спросить?

— Ага.

— Тебе правда наплевать, что меня убьют?

Арман отвернулся. Он смотрел на океан, как будто пытался разглядеть что-то на горизонте.

— Говори.

— Тебе правду?

— Нет, мне художественную хрентень, пожалуйста, и не забудь добавить мысль о ценности человеческой жизни.

— Я думаю о себе. Мне будет скучно, после того как тебя убьют.

— Сволочь ты... Ладно, слушай историю.

Китостил улыбнулся и опустил руки в карманы пальто.

Глеб хотел было начать рассказ, но тут на него напал истерический смех. Смеялся он так, что едва успевал вдыхать воздух. Арман несколько секунд смотрел на него испуганным взглядом, потом и сам начал хотеть. Когда Глеб увидел смеющегося Армана, ему стало еще хуже. Ки-

тбой смеялся, как злодей из мультфильмов, гомерически-истерическим смехом. Когда они успокоились, Глеб заговорил первым:

— Какое-то время я жил в общежитии с ироническим названием «Престиж». Мне тогда было 15 лет. В «Престиже» на тот момент собралась целая банда таких же разгильдяев, как я. Мы целыми днями валялись дурака, бесконечно выясняли отношения, дрались с пацанами из других общаг и питали священный страх и уважение к самому главному разгильдяю — Сергею Кедруку. Он был старше нас на несколько лет, ездил на старой Volvo, имел невысокий интеллект и большие уши. Авторитетом был непререкаемым. Например, мог позволить себе побить любого из нас просто так, если нет настроения.

И вот однажды, жарким летним днем, мой друг Женя ремонтировал свой велосипед перед общежитием. Мы с Эдиком (один из близких друзей) сидели рядом и раздражали Женю ненужными советами. Была какая-то проблема с колесом. Женя открутил переднее колесо, задумчиво осмотрел его, потом поставил на место и уже собирался закручивать гайки крепления, как вдруг на крыльце появился его величество Кедрук.

— Че делаешь, Заяц? — спросил он (Зяец — прозвище Жени).

— Ничего, — пробурчал Женя.

— Дай проеду, — скомандовал Кедрук.

— Да я тут... — Женя что-то промямлил насчет колеса, но сразу же получил пинок и отлетел в сторону. Мы с Эдиком замерли в ужасе, «колесо-то не прикручено», а Кедрук уже взбирается на велик. В глазах Зайца заплясали огоньки обиды и радости.

Кедрук хотел резко стартовать с места, дернул на себя руль и дальше... в моей памяти это событие осталось в виде замедленной съемки. Переднее колесо медленно покинуло велосипед, вилка уперлась в землю, Кедрук перелетел через руль и воткнулся лицом в песок под углом 45°.

Несколько секунд немая сцена.

Зяец кусает губы, чтобы не засмеяться.

Кедрук вскакивает и прокликает Зайца, который оправдывается, что не успел закрепить колесо.

Мы с Эдиком смотрим друг на друга, и я вижу во взгляде Эдика фразу: «Сейчас я погибну, но больше держаться не могу», и мы синхронно закатываемся истерическим смехом. Кедрук бьет сначала Женю, потом меня, переключается на Эдика, но нам уже все равно. Мы счастливы.

— Не смешно, — сказал Арман.

— Ничего ты не понимаешь.

СКАЛА ДАНТЕ

Из дневника Китобоя.

«Одиночество — вершина духовного поиска».

В очередном походе за водой Глеб заметил, что если посмотреть на скалу под определенным углом, можно увидеть профиль Данте Алигьери. Сходство поразительное: нос с горбинкой, презрительно-печально очерченный рот, переходящий в грубо скошенный подбородок.

Теперь поход за водой получил поэтическое название «Пойду к скале Данте». Глеб пошутил на эту тему с Арманом, но тот особо не удивился:

— Голову тебе ветром надуло, вот и мерещатся средневековые образы, — сказал он.

- Почему именно Данте? — приставил Глеб к Арману.
- Может, поблизости есть те самые ворота?
- А может, этот остров и есть..?
- Э-э, поаккуратнее... — возмутился Арман. — Это, вообще-то, мой дом.

С каждым появлением Армана запасы провизии росли, и уже точно можно было сказать, что продукты переживут Глеба.

Различные этапы жизни выстроились у дверей вагончика длинной цепочкой воспоминаний. Это, пожалуй, было единственным занятием Глеба. Он раскладывал пазлы прошлого, получая вполне ясную картину многих событий. Каждый несправедливый поступок возвращался к нему примерно в той же форме. Приведу показательный случай.

2003 год. Впервые почувствовал себя зверем.

Друг попросил Глеба о помощи. Нужно было поехать в деревню и помочь срубить накренившееся дерево. Глеб согласился, они быстро справились с работой и уже собирались уезжать, когда из будки вылезла хилая собачка и начала тявкать. Глебу захотелось произвести впечатление на друга, он подошел к собаке и зарычал. Собака обмочилась от страха, и в этот момент Глеб почувствовал себя зверем. В глазах у животного читался ужас. Эта, казалось бы, пустячная ситуация не давала покоя. Через несколько лет Глеб поехал с Кариной на море, и там его укусила собака, очень похожая на ту хилую, испуганную шавку. Собака постаралась и довольно глубоко прокусила икроножную мышцу.

Потом был курс уколов, соответствующая диета и ненависть к четвероногим, но теперь остров расставил все по местам. Глеб был искренне благодарен той шавке с черноморского побережья, восстановившей баланс справедливости.

Кстати, дневник Китобоя — мой, если вы еще не догадались. От скуки составил. Хотел забрать, но потом передумал. Пусть читает. Не жалко.

НОВОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Все началось с соплей. Затем заныли десны. Простуда мелкими перебежками продвигалась к позициям иммунитета Глеба. Организм включил защитные механизмы и отказался от активной деятельности. Ломота в суставах пришла одновременно с болью в пояснице. При попытке встать с кровати охватывала дрожь, переходящая в судороги. Дубленка, спасавшая от холода за пределами вагончика, бесполезной тряпкой лежала на дрожащем теле Глеба. Последним ударом болезни была головная боль — настолько сильная, что Глебу не удавалось даже перевести взгляд с одной точки на другую.

В вагончике осталось шесть брикетов угля — этого хватило бы примерно на сутки. Пламя в печи казалось искусственным. Глеб чувствовал себя ледяной скульптурой. Питьевая вода закончилась.

Он мечтал о жаропонижающем и корил себя за недалекновидность. Надо было спросить у Армана, есть ли у него какие-нибудь лекарства. Как-то же прожил он на острове столько времени. Умереть сейчас от простуды, когда у него есть все для выживания... Нет, это нечестно. Он несколько раз орал в полуобмороке во все горло: «НЕЧЕСТНО!» Крик про-

рывался сквозь головную боль и впитывался в стены вагончика. «Только бы не пневмония, хоть бы обычная простуда», — бубнил он как мантру.

Несколько раз в течение долгой ночи отчаяние сменялось готовностью противостоять болезни. В какой-то момент он плакал. Потом молился, уже во второй раз. Это был крик о помощи, обращенный к Богу, в существовании которого он теперь не сомневался.

Под утро начались первые галлюцинации. Стена напротив превратилась в трехмерное пространство. Он увидел подвесной мост, который раскачивался под порывами ветра. Ветер пригнал тяжелые черные тучи, которые вблизи оказались вороньей стаей. Вороны в считанные минуты склевали веревки, поддерживающие мост. Конструкция провалилась в пропасть, и стая, сбившись в плотное облако, заполнила пространство вагончика. Глеб закрыл глаза, он слышал, как птицы бьются о стены.

Тишина.

Постепенно умолкает гул.

Он видит крысу. Теперь уже не видение. Она проплыла через комнату и взобралась на кровать по свисающему рукаву дубленки. Судорожный холод не позволил ему отмахнуться от крысы. Он все еще допускал мысль, что это — продолжение галлюцинаций. Впервые он увидел ее так близко. Неправдоподобно длинные усы, маленькие глаза, мышечные волокна, оплетающие грудную клетку.

Поднырнув под дубленку, крыса замерла на несколько секунд. Глеб почувствовал прилив тепла у солнечного сплетения.

То, что произошло дальше, оставило воронью стаю позади в списке нереальных видений. Глеб сам приподнял свитер и обнял крысу. Тепло, излучаемое животным, успокоило его. Мышечный спазм уступил место постболезненной эйфории. Он согрелся, но окончательно растратил последние силы в борьбе с простудой.

Обнимая крысу, он уплывал в далекое прошлое, в 2004 год, когда они с Кариной сняли первую квартиру. Он вспомнил наспех сделанный ремонт, белые обои, запах обшивки нового дивана. Температура в квартире не поднималась выше 13 градусов. Оконные рамы затыкались ватой, балкон изнутри обшивался утеплительной пленкой, появился дополнительный радиатор отопления, но температура так и не превысила тринадцати градусов. Кажалось, что зима 2004 года пришла навсегда.

Отдельным, вынесенным за скобки, воспоминанием, стали стихи, написанные Глебом и прикрепленные магнитом к холодильнику.

Ты сегодня сказала,
что эта зима навек.
Что придут холода
и уже не наступит лето.
Двадцать градусов ниже нуля,
и повсюду снег,
закрепляет на окнах
свое ледяное вето.
Я поверю тебе,
я не стану смотреть в окно,
там суровый февраль
заставляет дрожать прохожих.
Застелив сквозняки одеялом,
мы пьем вино.
У меня от улыбки твоей
мороз по коже.

Они ничего не планировали, не знали, что через два года родится Кира, и они будут искренне удивляться: «А ведь ее когда-то не было?»

Он боялся развеять воспоминание и, постепенно отключаясь, цеплялся за обрывки исчезающих в черной бездне предметов быта. Вот уже тьма пожирает пузатый чайник со свистком, желтую кровать Киры, исчезает мир, в котором он когда-то был счастлив. Теперь ему все равно, засыпает он или теряет сознание. Пока он жив, Кира в безопасности.

Почему-то ему жутко захотелось увидеть Карину. В огрубевшей со- вести все-таки появилась брешь, сквозь которую постепенно стало просачиваться раскаяние. Вот уж чего ему сейчас не хватало до полного счастья, так это мук совести. Но ничего не поделаешь, раз уж допустил сла- бину, невнимательно выстраивал оборонительные редуты из оправданий и вечного цинизма — будь добр, слушай, как она, беспощадная совесть, заполняет собой грудную клетку, крепко сжимает сердце и сильно трет его о ребра, будто свеклу на терке.

Он не мог вспомнить го́да, дня недели или хотя бы места их первой встречи, но точно помнил, как, впервые увидев ее в стенах медицинского колледжа, сразу понял: «Это моя будущая жена».

Обо всем по порядку:

МЕДИК. РЭКЕТИРЫ. КАРИНА

В то время по одному из федеральных каналов шел сериал «Скорая помощь», в котором жизнь врача облекалась в самые романтические фор- мы, и казалось, что эти сверхлюди в белых халатах с перекинутыми че- рез плечо фонендоскопами живут самой что ни на есть настоящей жиз- нью. И любовь у них особенная, и профессия благородная...

Учитывая скромные финансовые возможности семьи, выбор пал на медицинский колледж.

— Посмотри, — говорила мама, — вот так будешь ходить в белом ха- лате.

Вся эта романтика подкупила Глеба, тем более, что он сам с удоволь- ствием смотрел этот сериал.

За несколько месяцев до поступления отец стал прощупывать почву, и выяснилось, что в колледже процветает коррупция, и если не дашь пять тысяч — по тем временам приличная сумма, — не пройдешь. Один зна- комый предложил пойти в обход. Он знал директора, знал о его пристра- стиях к пиршествам и предложил отцу Глеба устроить ряд посиделок на свежем воздухе; так сказать, ближе познакомиться и между делом напо- мнить: дескать, сын поступает в ваше заведение, замолвите словцо.

Эти встречи на свежем воздухе дались отцу непросто. Он не был на- столько искушен в питии, как его новые товарищи, поэтому каждый раз «перебирал» с лихвой, а наутро страдал страшным похмельем.

Вот так вот верхом на отцовской печени Глеб заехал в стены медкол- леджа. Дал себе зарок учиться, быть лучшим в профессии, непременно надеть белый халат и стать одним из «Скорой помощи».

Колледж, надо сказать, встретил Глеба недружелюбно. Оказывает- ся, там существовал обычай: старшекурсники собирали дань с новичков. Буквально в первый же день к Глебу и Эдику (лучшему другу Глеба, вме- сте с которым он поступил), подошла пьяная гоп-компания и заявила: «С вас полтарашка и пятнарык зверуху» — именно так и сказали, на ка-

ком-то тохляча-англосаксонском наречии. Глеб с Эдиком культурно попросили рэкетиров удалиться. Те ушли, но через своих людей постоянно напоминали, что бывает с теми, кто не платит. Угрозы были не пустые. Был уже один бунтарь, несколько лет назад бросивший вызов системе и твердо решивший оставить свой «пятнарык» при себе, — его долго и сильно били.

Эдик, названный брат Глеба, сказал тогда: «Да пошли они нафиг: один раз заплатим, потом не слезут». Глеб поддержал его, решили воевать. Оповестили своих, чтобы те были в полной боевой готовности, потом послали одного из студентов на переговоры с рэкетирами. Вот в чем состояло предложение Глеба и Эдика: «Короче, друзья, вас много, и вы легко можете побить нас, но знайте, как только это случится, придет целая гвардия нам подобных, и разнесет весь «медик» к хренам...»

Подействовало: никто больше не просил проставляться...

Ну да ладно, я отвлекаюсь; теперь о Карине и учебе:

Пришли искушения. С одной стороны, друзья, студенческая жизнь с красивыми девушками, горячительными напитками, бессонными ночами, с другой — учебники, конспекты, латынь...

«Прости меня, печень отца», — сказал про себя Глеб и с головой окунулся в бесшабашное студенчество. Только плохие оценки и страх перед отчислением могли заставить его взяться за голову, но и тут было все схвачено. Оказалось, вопросы любой сложности решала в «медике» красивая женщина по имени Татьяна Петровна, она же по совместительству заведовала творческой стороной заведения. Различные студенческие постановки, в которых участвовал Глеб, освобождали его от учебы. Он облагел настолько, что мог позволить себе вызвать с урока девушку курсом ниже, с которой встречался, и преподаватель понимающе улыбался и отпускал оную с юным артистом.

Такая вот была жизнь — три года дуракаваляния...

Потом началась практика. О, ужас! Глеб понял, что киношная жизнь медработника даже приблизительно не похожа на те серые будни, в которые он попал. В первый день практики, в кардиологическом отделении ему вручили поднос со шприцами и бумагу с фамилиями, назвали номер палаты и отправили делать уколы. Войдя в палату, Глеб увидел уставших людей в некрасивой одежде. «Где красотки из сериала «Скорая помощь»? Где чистота палат и яркий дневной свет, прорывающийся сквозь окна? Где романтика и почему так плохо пахнет? Отец, посмотри, куда я попал, зачем ты пил с этими людьми?..»

— Сердюкова, — нарочито уверенным тоном произнес Глеб, и заметил шевеление в углу палаты.

— Вот она — сказала девушка, видимо, внучка сухопарой старушки.

Глеб трясущимися руками взял шприц, попросил бабушку снять штаны, мысленно поделил ягодицу на четыре стороны и смазал спиртом верхний наружный квадрат. Только он занес орудие для укола, как бабушка скрипучим голосом поинтересовалась:

— Ты что мне колешь?

Глеб занервничал.

— Бабушка, перестань, — вмешалась внучка, подбадривающим жестом приглашая Глеба сделать первый укол.

— Как ты можешь не знать, — не унималась Сердюкова. — Что же ты за врач такой?

— Нам не говорили, — протараторил растерянный Глеб, и чтобы, на-

конец, уйти, направил иглу в ягодицу, но игла отскочила. Какой кошмар, на сцене «медика» не объясняли, что делать в подобных случаях.

— Это ничего, — снова вмешалась внучка. — У нее вся попа в буграх.

— Такие, как ты, кололи, поэтому в буграх — отозвалась старуха.

Глеб снова смазал участок для укола, нащупал более-менее мягкое место и, наконец, трясущимися руками сделал свой первый укол. Потом он уколол всех, кто был в палате, один старик даже пожал ему руку и бросил таинственную фразу: «Из тебя получится...»

КАРИНА

«Это моя будущая жена», — назойливо вертелось в голове. Эта мысль не помещалась в пределах сознания, то и дело вырываясь наружу в виде неумелых стихов.

Глеб даже поделился планами со своей тетей Галиной. Разговор получился примерно такой:

— Тетя Галя, я жениться хочу.

— И кто у нас жена?

— Карина зовут.

— Давно знакомы?

— Еще не знакомы.

— Ты дурак?

— Нет. Я влюблен.

— Это одно и то же.

А познакомиться хотелось, даже очень. Кто ее знает, может, она и не против выйти замуж за незнакомого человека?

Но все было не так просто. Множество причин мешало Глебу подойти к ней.

С одной стороны, полное безденежье (отец уехал на заработки в Израиль, зарплата мамы — маленькая). Студенту устроиться на работу почти нереально, а если и повезет, то это, как правило, ночной грузчик.

Не то, чтобы Глеб с матерью бедствовали в те дни... нет, денег хватало, но вот лишних не было, так, чтобы угостить девушку в кафе или пригласить еще куда-нибудь. Все это умножило и без того обострившийся комплекс неполноценности. И здесь сработали законы психологии: чем острее ощущался комплекс, тем нахальнее вел себя Глеб.

К тому же, как выяснилось уже после знакомства, заметив интерес Глеба, будущая жена избегала общения, и на то были веские основания:

Во-первых, вечная небритость и как следствие — бомжевато-нелюдимая внешность. Во-вторых, сомнительного вида компания. Кстати говоря, один из особо приближенных к Глебу, заметив интерес друга, решил взять ситуацию в свои руки. Помогал он следующим образом. Встретив в стенах колледжа будущую жену Глеба, он бесцеремонно спрашивал: «Ну что, думаешь вообще с Глебом общаться, ты ему нравишься, если что...»

Где-то в глубине души друг понимал, что таким образом только усложняет и без того непростую задачу, но стараний своих не прекращал. Как-то раз, при очередной встрече, он завопил на весь коридор:

— Быстро иди и найди Глеба, он умирает от любви!

— Отвали, — нервно ответила Карина и зашагала в противоположную сторону от неумелой свахи.

— А как же дети? — вопил вслед «помощник».

— Какие еще деди? — спросила Карина, окончательно дезориентированная идиотизмом ситуации.

— Ваши с Глебом, — возмутился помощник.

Но все-таки настал день, когда Глеб собрал в кулак остатки мужества и двинулся в бой. Подошел к Карине и, как обычно, с наигранной наглостью заявил:

— Давай сегодня вечером увидимся.

— Хорошо, — спокойно ответила она.

Они договорились встретиться недалеко от ее дома, собирались пойти к общим знакомым, в числе которых был и тот, кто так бесцеремонно помогал другу.

Вечер был по-студенчески веселым. Пили вино, играли в дурацкие игры и дружно сетовали на смертную тоску, царившую в учебном заведении.

В тот вечер он впервые поцеловал свою будущую супругу.

Обратно он летел. Глеб не понимал, почему это вдруг он стал невесомым и передвигается, не касаясь земли?

Куда подевался закон всемирного притяжения? Он боялся взлететь от счастья, как шарик, накачанный гелием.

Вернувшись домой, еще долго не мог уснуть, а под утро эйфория сменилась такой тоской, что пришлось с головой зарыться под одеяло.

На дворе стоял октябрь, оставалось считанное количество теплых дней, после которых наступит зима, примерно на шесть месяцев. Денег нет! Квартиры, где можно попить чай холодным зимним днем, — тоже нет. Привести Карину в общагу, где Глеб жил с мамой, — стыдно. Постоянно ходить по гостям — невозможно.

Вот с такими мыслями поплелся будущий муж в свое учебное заведение, даже не подозревая, что вскоре им будет наплевать на все эти мелочи. Что иногда они будут часами стоять в подъезде и разговаривать. Что Карина и не обратит внимания на нищету общежития. Но это будет потом, а сейчас он в полном отчаянии брел в безнадежное будущее.

Из дневника Китобоя.

«Хороших снов не существует».

Эти воспоминания успокоили Глеба. Он провалился в глубокий сон. Снилось, будто бы он с Кариной и Кирой идут сквозь темный лес. Глеб держит в руке старый масляный светильник. Лес живет, он что-то шепчет. Порой тропинка сужается, и тогда он чувствует, как ветви деревьев хватают его за плечи и царапают лицо. Нет ориентира, он не знает, куда идет.

— Главное, не сходить с тропинки, — говорит Карина.

Глеб берет Киру на руки. Он совсем легкая...

— В светильнике достаточно масла, — говорит Глеб, — мы продержимся до рассвета и найдем дорогу домой.

— Пап, почему мы не пошли по старой дороге, мимо храма? — спрашивает Кира. Голос у нее веселый. Ей совсем не страшно.

Глеб не знает, что ответить. Он останаавливается.

— Давайте разожем костер, — говорит он, снимая крышку светильника и поджигая непонятно откуда взявшуюся охапку дров.

Они садятся у костра. Пламя оживляет небольшой участок леса, не давая воображению превращать деревья в неуклюжих монстров, но за пределами костра — непроглядная ночь. Бесконечная черная пропасть.

Старая дорога, о которой говорит Кира... ее больше нет, но только Глеб знает об этом. Утром, когда рассветет, он выведет семью из леса и покажет им развалины храма и заросшую сорняками тропу.

Теперь о действительно страшных снах. В жизни Глеба был момент, когда ему пришлось обратиться к психиатру. Дело в том, что каждую ночь его мучил один и тот же кошмар. Я записал сон дословно и придумал ему название:

«ПУСТАЯ РАМКА»

Снилось, будто стоит он на заснеженном холме, наблюдая за бесконечной траурной процессией, растянувшейся у подножья. Женщины в черном, выстроившись в две колонны, медленно двигаются в сторону заходящего солнца. В руках у них портреты, облаченные в белые рамки. С опущенными головами они идут на закат. Длинные платья скользят по снегу, стирая следы.

Глеб подошел к самому краю холма, ему интересно, куда и зачем направляется процессия. Какое-то время он смотрит на черно-белое шествие, как на иллюстрацию бытописаний ада, ему кажется, что сейчас появится огромное чудовище и заполнит огненным дыханием все пространство.

Нереальная близость солнца нисколько не удивила Глеба, как и то, что солнечные лучи не растопили снег.

Женщина, замыкающая процессию, несла пустую рамку. Траурные одеяния не дают определить ее возраст, но судя по тому, что «последняя» была невысокого роста и то и дело наступала на подол платья, можно было предположить, что она моложе остальных.

Глеб хотел обежать холм, найти место для спуска, но кто-то подсказал ему, что можно спуститься по вертикальной поверхности, что здесь не действуют законы физики и прочие земные условности. Глеб уверенно шагнул вниз по холму и спокойно преодолел путь длиной в несколько десятков метров. В нем открылись какие-то дополнительные ресурсы. Тело, словно обновленное неизведанным источником энергии, обладало запредельной мощностью.

Процессия отдалилась на небольшое расстояние, когда он спустился с холма. Одним прыжком новое тело достигло шествующих. Глеб пронесся мимо женщин в черном. Попытался сорвать капюшоны с некоторых лиц, но ткань оказалась неподъемной. Даже для обновленного Глеба, нарушающего законы природы, стало непосильной задачей поднять тонкую ткань.

Женщины не замечали его присутствия. Глеб кричал во все горло, хватал их за локти, пытался остановить, но они оставались под защитой тяжелых платьев, будто наполненных свинцом.

Тем временем солнце приблизилось настолько близко, что затмило собой линию горизонта.

Тот же голос, который убедил его спуститься по вертикальной поверхности, теперь призывал вернуться в конец строя и следовать за женщинами. Глеб повиновался. Дойдя до конца, он встал за «маленькой» с пустой рамкой и молча двигался вперед, оставляя следы на выглаженном подолами снегу. Только сейчас Глеб заметил, что он босой.

— Подержи, — сказала маленькая, не сбавляя шаг, и протянула Глебу рамку.

— Ты говоришь! Почему все остальные молчат? — спросил он.

— Это потому, что меня нет, а они еще дышат.

Она легко откинула капюшон, и Глеб увидел совсем молодую девочку с подростковой угревой сыпью на лбу.

— ЧТО ТЫ НЕСЕШЬ? — крикнул Глеб, чувствуя, как пустая рамка теряет плотность и плавится в руках.

Он посмотрел на белые ладони, зачем-то понюхал их, потом лизнул пальцы и узнал вкус героина.

Они остановились. Глеб вернул девочке мягкую рамку. В ее руках она снова стала плотной, с четко очерченными углами, но по-прежнему оставалась пустой.

— Почему у тебя нет фотографии? — спросил Глеб, поспевая за процессией, прибавившей шаг.

— Потому что он не успел родиться.

— Кто?

— Мой сын.

Какое-то время они шли молча, и Глеб уже не задавался вопросом, куда идет и зачем: он знал, что ему по пути с этой девочкой и со всеми остальными.

Тем временем солнечные лучи разрезали землю, и образовалась огромная зияющая пропасть. Глеб увидел ее в этом трехмерном пространстве сна как нечто само собой разумеющееся.

Процессия выстроилась по краю пропасти. Женщины прижали рамки к груди. Все они освободились от капюшонов, и на лицах некоторых из них Глеб заметил улыбки.

— Дай мне руку, — шепнула девочка, — так будет не страшно.

Ладонь Глеба онемела от ледяных пальцев «маленькой».

— Как тебя зовут?

— Ира.

— Почему ты говоришь, что тебя нет?

Они протиснулись в плотное окружение женщин в черном, заняли небольшой пятачок у пропасти. Глеб отвел взгляд в сторону, чтобы не смотреть в бездну.

— Читай, — сказала Ира.

Она бросила на снег свою рамку, и в руке у нее появилась выцветшая от времени газетная статья.

Глеб пробежал глазами по небольшому тексту. Полицейские сводки, отчеты о проделанной работе, ликвидация нескольких притонов и задержание одного из организаторов трафика, Сергея Самойленко по кличке Зеленый.

— Я знаю его. Он на меня работал...

— Читай дальше, — еле слышно шепнула Ира.

Не отпуская руку Иры, он сдул снежинки с листа и продолжил:

«Губернатор Алексей Артемьев просит пересмотреть законодательство. Самойленко должен получить пожизненное, иначе, цитата: «у этих тварей не будет никакого страха перед законом». Напомним, что Артемьев лично заинтересован в скорейшем избавлении города от «белой» заразы: совсем недавно от перездировки героина умерла его младшая дочь Ирина. Впоследствии выяснилось, что она была на четвертом месяце беременности».

Глеб перестал читать, теперь он просто смотрел, как хлопья снега ложатся на текст. Правая рука, которой он сжимал ладонь Иры, от холода потеряла чувствительность. Она забрала статью.

Он хотел что-то сказать, извиниться, оторвать себе руки, крепко обнять девочку и превратиться в ледяную скульптуру, или лучше прыгнуть в пасть этой пропасти, в которой исчезали снежинки. Совершить какой-то поступок, чтобы вытащить себя из этой истории. Оставить за скобками смерть Иры.

Тело уже подалось вперед, но Ира крепко сдавила руку, так что Глеб услышал костный хруст.

— Не получится. Даже не думай...

— Ира, я сдохнуть хочу.

— Знаю, но еще рано, нам нужно спуститься.

— Куда?

Она скомкала газетную вырезку и бросила в пропасть.

Куда-то исчезло солнце. В одно мгновение день сменился ночью. Снежный покров и немногочисленные звезды противостояли темноте, создавая компромиссный полумрак.

— Теперь пора, — выдохнула Ира.

Она высвободила ладонь, подняла со снега пустую рамку и бросила ее в пропасть. Рамка пролетела некоторое расстояние и зависла в воздухе. Примеру Иры последовали все остальные женщины: они так же швырнули рамки в пропасть, и те, зависая в воздухе в определенном порядке, образовали некое подобие лестницы. Рамка Иры была последней ступенью, она светилась ярче всех, светом безгрешной души.

— Идем, — Ира уверенно ступила на первый портрет.

Лицо небритого мужчины на портрете сморщилось, казалось, что ему больно. Глеб испытывал ужас, каждый раз опираясь ногой на очередное изображение. Ближе к середине лестницы портреты заговорили. Они звали Глеба по имени, спрашивали, что это за девушка с ним. Один из портретов жалобно вопил и просил Глеба отпустить дозу в долг.

Достигнув, наконец, последней ступеньки, они увидели существо, покрытое волосами с ног до головы. Оно было похоже на изуродованную обезьяну, над которой проделывали различные опыты. Глаза его светились желтым пламенем. В руках оно держало черную книгу в кожаном переплете, сидело на небольшом каменистом выступе и жестом пригласило Глеба и Иру к себе.

— Мне пора, — сказала Ира и поцеловала Глеба в щеку.

Ледяные губы разрезали кожу. Глеб почувствовал, как по выбритой щеке стекает кровь.

— Почему так страшно?

— Потому что здесь Бога нет, — спокойно ответила Ира.

В эту же секунду две черные тени схватили ее под руки, и она исчезла.

— Ближе подойди, — скрипучим фальцетом приказало существо.

Глеб развернулся, ступил на портрет-ступень и провалился во что-то вязкое, сырое.

— Поздно, дружочек, — снова запело существо, — эта лестница предназначена исключительно для спусков.

Глеб с трудом выбрался из вязкого омута, залез на каменистый выступ и почувствовал смрад, исходящий от существа. Куда-то девались сила и способность быстро передвигаться. Ноги отяжелели.

Его едва не вырвало, когда существо приблизилось вплотную, сковырнуло грязным ногтем порез на щеке Глеба и сделало пометку в своей книжке.

— Ну вот, пометочка есть, осталось чуточек.

Глеб не знал, от чего его больше боит: от внешнего вида писаря или от уменьшительно-ласкательных, произносимых волосатым ртом.

Пока чудовище возилось с книжицей, он посмотрел вверх, лишний раз убедившись, что обратной дороги нет. До краев наполненные портреты проливали вязкую жидкость.

— Как тебе героиновая процессия, дружочек-пирожочек? — поинтересовалось чудище, отложив блокнот в сторону.

Глеб заметил, что рамка без фотографии взмыла вверх, с космической скоростью врезалась в небеса и стала частью небосвода.

— Какая же ты мерзкая тварь, — вырвалось у Глеба вопреки желанию.

Чудище зашлось скрипучим смехом.

— Думаешь, ты лучше? Я твоя начиночка, я твоя душенька, дружочек. Вот и ладненько...

— Что тебе ладненько, тварь? Мы разные, понимаешь, разные?

Он не переставал думать об Ире: «Это я убил ее... мой человек продал ей наркотики...»

— И всех остальных, пирожочек, тоже ты убил, — снова захихикало чудище. — Видел, как много ступенек...

— Врешь, скотина. Где Ира?

— Чуть ниже нас, почти там, где господин, — скрипнуло чудище и, шатаясь на кривых ногах, направилось в сторону Глеба.

Глеб подошел к самому краю, посмотрел в бездну, но в нем уже не было прежнего страха. Он чувствовал сзади смрадное дыхание чудовища, слышал свистящие звуки и постоянное шмыганье носом. Потом он ощутил, как трещит по швам каменный выступ, увидел, как разверзается под ним пропасть... И в этот момент он в ужасе подпрыгивает на кровати, еще какое-то время привыкает к действительности, будто не доверяя пространству, и уже потом понимает, что это ночной кошмар.

Болезнь вывела Глеба из строя на три дня. За это время он ничего не ел, пил воду и вылезал из дубленки исключительно по малой нужде. Крыса, почувствовав себя фигурой значимой, совсем обнаглела. Теперь в ее походке не было той осторожной напряженности. Ничего не осталось от виноватого взгляда. Она практически переехала в вагончик, забыв про свои крысиные лабиринты. Спала в ногах у Глеба, но когда его начинало трясти и он чувствовал, что температура поднимается, то подтаскивал крысу поближе и прижимал как родную.

Питалась хвостатая один раз в день, но съедала чуть ли не килограммовый кусок тюленины. Заметно увеличившись в размерах, она уже не могла так быстро передвигаться по вагончику, а когда по рукаву дубленки карабкалась на кровать, Глеб помогал ей, слегка подталкивая под зад.

В отсутствие Армана Глеб беседовал с крысой, задавал ей вопросы, сам отвечал на них, а иногда от имени крысы спрашивал что-то...

Он подумал, что если бы мама сейчас была рядом, она непременно придумала бы крысе смешное имя, как тем котам, что жили у них дома. По части кличек маме не было равных, в разные годы котов звали: «Скрипач», «Мопад», «Васисуалий Лоханкин»... а еще мама находила в животных сходство с людьми.

Однажды она долго смотрела на задремавшего на подоконнике «Мопада» и сказала: какой красавец, посмотри, Глеб, как он похож на актера Сидихина.

Думаю, будет справедливо сказать несколько слов о том, как Глеба занесло в наркоторговлю. История заслуживает внимания, потому как она полностью изменила жизнь моего друга.

ОБОРОТЕНЬ И КАШАЛОТ

Наркоторговцем Глеб стал спонтанно. Перебивался до этого случайными заработками, редко, но удачно делал ставки в букмекерских конторах, почти все деньги приносил домой. Круг его друзей на тот момент был весьма разнообразным — от поэта-неудачника до «оборотней» в погонах.

Один из этих «оборотней» и предложил Глебу сбыть первый товар. Звали оборотня Сергей Криницкий. Занимался Криницкий чем угодно, только не основными обязанностями полицейского. Ему платили подпольные игорные клубы, несколько замаскированных под массажные кабинеты борделей, торговцы паленой водкой. В общем, «оборотень» построил на погонах довольно прибыльный бизнес. Он знал все криминальные схемы своего района. Глебу доверял как брату, хотя для такого доверия не было никаких оснований. Они виделись где-то два раза в неделю в клубе «Кашалот». Хозяин клуба, Вадим, принимал Глеба с радостью, обоснованной согласием Глеба за небольшую сумму оформить на свое имя подставную фирму для отмыwania денег. Это был мерзкий тип маленького роста с огромным пузом, Глеб к нему испытывал легкое отвращение. Особенно ужасно было обедать с ним. Вадим ел небрежно, заполнял рот едой и невнятно разговаривал. Его тонкие губы всегда были испачканы жирным томатным соусом, которым хозяин клуба поливал почти все блюда. По футболке Вадима можно было определить, чем он питался весь день.

Оборотень Сергей давно уже пытался залезть в карман Вадиму, но всякий раз сталкивался с большими авторитетами криминального мира, открытый конфликт с которыми грозил ему в лучшем случае увольнением. Дело в том, что в «Кашалоте» торговали героином, но только избранные могли купить дозу. Там была серьезная система безопасности: даже когда полиция внезапно врывается в клуб и всех посетителей втыкала лицом в пол, ничего серьезного найти не удавалось. Все это жутко злило Сергея, потому что он точно знал, что торгуют здесь по-крупному.

Между Сергеем, Глебом и Вадимом сложились сложные отношения, основанные на взаимной выгоде, страхе уголовного преследования и желании участвовать в круговороте порошка.

В одну из душных июльских ночей оборотень появился на пороге Глеба в странной подростковой одежде. Карина с Кирой гостили у родителей Глеба, и он рано утром собирался присоединиться к ним, но внезапное появления Сергея перебило все планы, полностью изменив жизнь Глеба.

— Дай пакет, быстро, — нервно затараторил оборотень, снимая одежду.

Сонный Глеб не стал спрашивать, что это за одежда, почему оборотень так быстро от нее избавляется и какого лешего он посреди ночи демонстрирует свои старомодные трусы в квартире, в которой по чистой случайности нет жены и дочки. Вместо этого он отправился на кухню, выпил стакан воды и обрел способность говорить.

— Так и будешь в трусах шастать?

Сергей погасил свет в прихожей и поочередно посмотрел во все окна, осторожно приподняв жалюзи, как человек, боящийся снайпера.

— Дай мне какую-нибудь одежду, нам нужно ехать.

Глеба даже забавляло поведение Сергея, впервые он видел оборотня напуганным и суетливым.

— В комодке стопка футболок и несколько джинсов, посмотри, может, подойдет что-то. — Он присел на диван, чувствуя, что сон полностью улетучился.

Оборотень надел на потное тело первую футболку из стопки и принялся натягивать штаны. Он был немного тяжелее Глеба, поэтому пришлось потрудиться, несколько раз присесть по-лягушачьи, подпрыгнуть, снова присесть, пока, наконец, не поместился в джинсы на два размера меньше.

— Только не думай, что поносив мои штаны, станешь таким же неотразимым, как я, — сказал Глеб, ожидая, когда оборотень объяснит, что происходит.

— Одевайся! Срочно! — Сергей, не дождавшись пакета, связал узлом сброшенную в спешке одежду и затрамбовал ее в мусорное ведро.

Глеб надел шорты и майку, запрыгнул в сланцы. Не задавая вопросов, отправился за оборотнем.

Пока ехали в машине, Сергей кратко обрисовал ситуацию.

Он уже несколько месяцев следил за небольшой азиатской бандой. Собрал необходимую информацию, просчитал риски и решил в одиночку расправиться с мини-картелем. В лучших традициях неаполитанского гангстера ворвался в квартиру азиатов, убил четверых и забрал товар — две большие спортивные сумки. Это был настоящий куш — сорок шесть килограммов героина. Оборотень профессионально замел следы: конфискованный пистолет с глушителем оставил на месте преступления, маску сжег, от одежды избавился. Кроме того, никто не знал, что он охотился за азиатами. Знакомые Сергея делились на две категории: на тех, кто обязательно сдаст его полиции, и тех, кто обязательно попытается убить, чтобы завладеть товаром. Так уж вышло, что, на свое несчастье, Глеб не попадал ни в одну из этих категорий, кроме того, мог попробовать продать товар Вадиму. Глеб согласился, посчитав, что если откажется, может разделить судьбу азиатов как нежелательный свидетель.

Подъехали к небольшому гаражу. Воровато озираясь, оборотень открыл ворота и продемонстрировал добычу.

— Килограмм такого порошка стоит пять миллионов. Договорись с Вадимом — пятьдесят процентов твои, — предложил Сергей, закрывая ворота.

Семизначные цифры опьянили Глеба, приняли конкретные материальные формы в виде недвижимости и дорогих машин.

— Почему ты думаешь, что Вадим согласится с нами работать?

— Не с нами, с тобой. Я вообще не хочу светиться.

Глеб хотел что-то возразить, но сразу представил, как на лужайке своего будущего дома паркует новенький красный «Ягуар», и желание спорить пропало само собой.

Сергей поставил перед собой задачу как можно скорее втянуть Глеба в торговлю, превратив его из свидетеля в соучастника.

— Подождем немного, пусть все утихнет, потом поговори с Вадимом, и если он согласится, мы с тобой очень быстро поднимемся.

— Ты уверен, что Вадим не сдаст меня?

— Нет, не уверен, но рискнуть стоит. У меня репутация плохая, так что давай сам. И еще, для перестраховки нам нужно поссориться при нем,

только по-настоящему, понятно? — Он нанес несколько ударов по невидимому сопернику.

Остаток ночи Глеб провел на кухне. Пил крепкий чай с чабрецом, тратил несуществующие деньги. Всячески гнал от себя мысли о возможном аресте. Обратный путь был отрезан: кто знает, как поступит оборотень, откажись он от сотрудничества.

Ссору назначили на 18.00 в «Кашалоте». Глеб знал, что в это время Вадим ужинает с партнерами по бизнесу.

Получилось вполне естественно: Глеб пришел в половине шестого, заказал кофе и, дождавшись появления Вадима, написал сообщение оборотню. По сценарию, Сергей должен был появиться в плохом настроении, громко разговаривать, всячески привлекая к себе внимание, и уже потом начать вести себе по-хамски — разливать по залу алкоголь, щупать официанток. Глеб попытается успокоить его, и тут Сергей врешет ему несколько раз, так, чтобы выглядело естественно и было не слишком больно. На деле получилось и больно, и естественно. После того как оборотень облил шампанским посетителей, сильно шлепнул по мягкому месту официантку и заорал на весь зал: «Вадим, твое шампанское — моча», Глеб поднялся из-за стола. «Все нормально, я выведу его», — крикнул он Вадиму и попытался зафиксировать Сергея, но как только подошел на расстояние вытянутой руки, получил сокрушительный удар в подбородок. Глеб полетел на соседний столик, за которым сидела молодая парочка, послышался звук битого стекла, визг напуганной девушки, посыпались проклятия со стороны Вадима. Охрана быстро скрутила дебошира и вышвырнула из клуба. Каждый из актеров по-своему расплатился за эту сцену, Глеб — сломанной челюстью, оборотень — занесением в черный список, но результат был достигнут — Вадим поверил в ссору. Он лично поднял Глеба, помог присесть за столик, приказал бармену принести лед и все, что закажет Глеб, естественно, за счет заведения. Так же и парочка с опрокинутым столиком получила возможность продолжить вечер за счет Вадима.

Через три недели, когда сняли скобы и Глеб обрел способность говорить, он встретился с Вадимом. Глеб серьезно нервничал, еще и как назло оборотень целую неделю не отвечал на звонки.

Кабинет Вадима пестрил безвкусной роскошью. Присели в глубокие кожаные кресла.

— Про Сергея-оборотня слышал? — спросил он, улыбаясь.

— Нет.

Глеб почувствовал, как под ребрами у него образовалось ледяное облако.

— Попал под раздачу в игорном клубе. Там стрельба началась, он оказался на линии огня.

— Живой?

— Нет, в шею пуля попала, — он надавил пальцем на кадык. — От кровопотери умер.

В очередной раз Глеб усомнился в своей адекватности: а как иначе, если его мозг выдал одновременно несколько противоречивых мыслей: «Значит, зря была сломана челюсть?», «Теперь я заработаю больше», «Жаль оборотня», «Надо подобрать ключи от гаража». Ему стало противно от собственного прагматизма.

— Ладно, говори, что там у тебя, — сказал Вадим нарочито деловым тоном. — Дела еще... встречи...

— Могу достать героин, — выпалил Глеб, хотя собирался сказать по-другому. Он всеми силами пытался скрыть удивление и ужас от последних новостей.

Вадим в одно мгновение посерьезнел. Он посмотрел на Глеба так, словно тот сообщил, что умеет летать. Это был взгляд наполненный уважением, страхом и недоверием.

— Подожди, — он подключил мобильник к стоящей рядом колонке, и кабинет наполнился томным голосом Стинга. — Продолжай.

Глеб пододвинулся ближе. Перекрикая музыку, он предложил килограмм — полтора миллиона. В глазах Вадима заплескались маленькие карие человечки. Тонкий рот расплылся в улыбке.

— А с чего ты взял, что мне это интересно?

— Перестань, весь город знает. С такой крышей, как у тебя, нечего бояться.

Вадим многозначительно развел руками. Видно было, что ему приятно лишний раз услышать о своих покровителях.

— Я позвоню, — сказал он, похлопав Глеба по плечу. — Сегодня вечером позвоню.

— Еще кое-что, — Глеб выдернул шнур из мобильного, — я застраховался. Серьезные люди в доле, будешь мухлевать — начнется война, — нагло соврал он и вышел из кабинета.

За полгода Вадим выкупил весь товар.

69 000 000 рублей — неплохая компенсация за сломанную челюсть.

Потом появились новые источники. Новый мир принял его, распахнул фреддикрюгеровские объятия. Сделал менеджером смерти.

СЛОЖНО ПОВЕРИТЬ

17 дней до казни. Глеб растопил печь, нарезал тюлень мясо тонкими ломтиками. Оно уже не казалась таким вкусным, как в первый раз. «Может, тюлень попался старый, или я зажрался», — улыбнулся Глеб собственной мысли.

Тело Глеба смердело чем-то уксусным, с фрагментарным купанием он завязал. Раньше не обращал внимания, но после болезни запах стал невыносим. Перспектива искупаться в ледяном озере не радовала, тем более что скоро ему конец. Что толку приводить в порядок тело, которое очень скоро достанется червям.

Вагончик за 43 дня стал родным. Глеб расставил немногочисленные вещи, и появился даже какой-то уют. Плюс ко всему, печь основательно протапливала небольшую площадь, и эта маленькая келья становилась родной.

Пасмурное кергеленское утро. Крыса нагло спит под бушлатом. Глеб периодически поглядывает на нее. Огромное мускулистое тело раскинулось на кровати. Глеб знает, что стоит только мясу зашипеть на костре, она сразу же проснется, подойдет к нему и будет спокойно ждать своей доли. В отличие от беспринципных котов, — таких, как Мопед и Скрипач, — она никогда не унижается, не трется о ноги и не издает жалобных звуков. Это гордая крыса — «дашь мясо, — поем, не дашь — ну и леший с тобой, жмот вонючий».

Так и произошло, с первыми звуками зашипевшего мяса крыса подняла голову, лениво потянулась и медленно, неуклюже начала сползать с кровати по рукаву.

Глеб погладил нового друга, немного потянул за усы. Крыса недовольно повела мордой.

— Угощайся, чудовище, — он кинул кусочек мяса на пол. Крыса не спеша приступила к завтраку.

Положил на тарелку свою долю и поднялся на диван. Бушлат еще не растратил крысье тепло, он был пропитан спокойствием ночи, сном.

«То, что со мной происходит — это невероятно».

Если чудом остаться в живых и рассказать свою историю, никто не поверит. Можно в психбольницу угодить, чего доброго.

Тут он вспомнил рассказы мамы. Она многое помнила о дедах и прадедах, истории мамы были пропитаны какими-то нереальными событиями из жизни их семьи. Глеб никому не пересказывал их, даже близким друзьям, боясь быть осмеянным, но маме верил, какой ей смысл врать.

Вот несколько подлинных историй, про которые можно смело сказать — этого быть не может!

АРАМ. ИСТОРИЯ ВОЗВРАТА ДЕНЕГ

Дед по маминой линии, Арам, был человеком уникальным. Жил по заповедям, хотя никогда не читал Святого Писания и имел крайне размытое представление о Боге. Вкусно готовил, вечно звал соседей на обед, чем раздражал мать Глеба. Не терпел насилия, поэтому рубить собственных кур приглашал соседку, которая обезглавив очередную птицу, говорила деду, что он не настоящий мужик. Слухи о нем ходили разные: мол, в молодости был сердцеедом, но он спокойно относился к людской молве. Кстати, мама родилась, когда Араму было 50 лет.

Так вот, на очередном дежурстве путевой обходчик Арам вместе с напарником осматривал свои владения. Поезд остановился на станции, и люди засеменяли вокруг него, расталкивая друг друга чемоданами, выкрикивая напутственные слова уезжающим.

На глаза деду попала небольшая сумка. В то время люди не были запуганы терактами, поэтому Арам спокойно заглянул в сумку, больше из любопытства. На мгновение он и напарник онемели. Сумка была доверху набита деньгами.

В это же время им на глаза попался человек лет пятидесяти, он бежал вдоль вагонов, кричал что-то и в буквальном смысле рвал на себе волосы. Дед сразу сообразил, что ищет незнакомец, но тут напарник вцепился ему в руку и предложил скрыться с деньгами. Не знаю точной суммы, но денег было достаточно, чтобы не работать всю оставшуюся жизнь.

Дед остановил незнакомца, спросил, не его ли эта сумка? Вместо ответа тот расцеловал деда и — внимание! — дал ему свою визитку.

Напарник готов был уничтожить Арама. Он не мог понять, что за безумие овладело обходчиком. Но Арам свято верил, что нечестно добытые деньги счастья не приносят. Он, конечно, выслушал в свой адрес несколько крепких ругательств, на какое-то время стал предметом насмешек со стороны сослуживцев, но спал при этом спокойно.

Это удивительно: не поддаваться такому соблазну, учитывая, что дед с бабушкой жили бедно, крыша текла, зарплата была маленькой.

ПРО ГРИГОРИЯ

По соседству с Арамом жил один отвратительный тип, не помню имени. Он напивался и постоянно избивал детей. Больше всего доставалось старшему, Григорию, парню с крепким телосложением и разгильдяйским нравом. Гриша регулярно убегал из дома, спал где попало. Сбегая от отцовского террора, он частенько укрывался в товарных вагонах в вотчине Арама Ивановича. Дед тогда забирал его, приводил домой, кормил, отмывал и возвращал домой, и так до следующего побега.

Парень вырос в тяжелое время, денег не было, и однажды, как в знаменитой песне, «залез в ларек, хотелось булочек с корицей», и был схвачен с поличным. Как и полагается, советская власть оценила это преступление несколькими годами лагерей в Иркутске, где Гриша и остался, после того, как отсидел полный срок.

Иногда он возвращался в родную деревню погостить на несколько дней, и тогда первым делом забегал к Араму Ивановичу, неважно, спит он или бодрствует; сжимал в своих богатырских объятиях и целовал в лысину. Любил он деда Арама безумно. Однажды вообще был комичный случай: приехал Гриша в деревню, как обычно на всех парусах помчался к дому Арама, а тот как раз купался под летним душем в саду. Гриша не стал дожидаться, пока Арам помоеется, ворвался в деревянную будку, обнял намыленного деда так, что позвонки затрещали, услышал несколько крепких слов от деда, но и они были сказаны с любовью. Не мог он все-ррез гневаться.

ПРО РЕБЕНКА

А в одну из рабочих вылазок он нашел кричащий сверток. Кто-то таким образом решил избавиться от ребенка, положив на холод. Арам схватил сверток, принес домой и на полном серьезе стал уговаривать жену оставить ребенка себе. Бабушка вроде не возражала, но потом, взвесив все за и против, решили отнести малыша в ближайшее отделение милиции, откуда того определили в детдом.

Арам никогда не хвастал своей добротой. Говорил, что добрые дела, которые мы делаем, идут впереди нас, сохраняя нас от бед. «Вот упал кирпич в метре от твоей головы, — говорил Арам, — это доброе дело спасло тебя... а так бы по башке получил».

— Надо тебе имя придумать, — сказал Глеб, помогая досыта наевшейся крысе подняться на кровать по рукаву, — может, Жирпед? Или лучше, — он задумался немного, — нет, и это не подходит.

Тем временем крыса уюстилась на коленях Глеба. На сытом лице появился наигранно-виноватый взгляд.

— Не верю, — улыбнулся Глеб, убирая с колен отъевшееся тело, — тебе не может быть стыдно. — Он потрепал крысу за морду, подергал за усы. Животное вытянулось торпедой, заняв добрую треть кровати.

— Андрей! — воскликнул Глеб, надавив на крысу так, что она издала жалобный стон. — Тебя буду звать Андрей.

Крыса не возражала. Глеб костяшками пальцев массировал ей спину, в том месте, где у крысы мог быть остеохондроз. — Торпеда Андрей, оружие массового поражения, — медленно проговорил Глеб, продолжал мять мускулистое тело крысы.

Жизнотное уснуло, Глеб устроился рядом и почувствовал, как сон обволакивает его. Ветер за окном напевал что-то мрачное.

«Я на краю земли в обнимку с крысой — неплохое начало для стихотворения... — проговорил он сквозь сон. — Этого не может быть...»

Глеб закрыл глаза, мысленно взбираясь на родовое древо в поисках невероятных ответвлений. А вот и прадед Арутюн — длинная ветвь с ярко-зелеными листьями. Древняя ветвь, но все еще гибкая.

АРУТЮН

Прадед Арутюн был многодетным отцом. Когда внезапно овдовел, в одиночку воспитывал шестерых детей — это при том, что у него было большое фермерское хозяйство. Человеком он был небедным, только вот времени не хватало катастрофически, нужна была хозяйка в доме.

Как это принято в маленьких деревнях на юге Армении, сразу нашлись люди, готовые устроить судьбу прадеда.

Все знали красавицу Нубар, девушку с кувшином в руках. Она была воплощением гармонии. Когда, неся кувшин на плече, Нубар спускалась по извилистой каменной дороге, каждый половозрелый житель села бросал все дела и провожал ее взглядом. Вот такая была Нубар.

К ее родителям пожаловали соседи и рассказали про порядочного человека Арутюна, овдовевшего и богатого. Заочно получили согласие, а это, кстати говоря, было обычным делом. Люди женились и выходили замуж по предварительной договоренности, внешность практически не имела значения, главное — отсутствие криминального прошлого и рекомендация от уважаемого человека.

Сосватали Нубар и отправили в новый дом, Арутюновы владения осматривать. Знала Нубар, что у Арутюна есть дети, но не подозревала, что их шестеро. Когда они всей оравой ввалились в дом, она спросила:

— Кто такие?

— Мы дети этого дома. — Это если дословно перевести с армянского ответ детей.

Деваться было некуда, в одночасье прабабка стала многодетной матерью, принялась приводить детей в порядок, вычесала волосы, выловила вшей, отмыла, отстирала. Но, как выяснилось позже, шестерых детей им с Арутюном показалось мало, и Нубар родила еще троих.

Прабабка прожила 99 лет, но Арутюн перещеголял ее, отойдя в мир иной на сто шестом году жизни. До последних дней они сами ухаживали за собой, не болели, не жаловались на старость.

Умер прадед какой-то хрестоматийной смертью.

В саду Арутюна росло огромное тутовое дерево. В тени этого дерева стояла ржавая раскладушка, на которой спал прадед, укрывшись от полуденного зноя. Было что-то аскетическое в этой сиесте: во-первых, раскладушка была кривая и угрожающе поскрипывала, как только прадед делал малейшее движение; во-вторых, вместо подушки он подкладывал под голову старую шапку, с которой не расставался круглый год.

На старости лет он разбогачел чуть ли не дюжиной внуков и большим количеством правнуков (точного числа не знаю). Прадед знал всех по именам, знал, кто чем живет, у кого какие проблемы и кто с кем в ссоре.

И вот в один из солнечных дней он попросил собраться всю родню под тутовым деревом. Многие шли неохотно, бросив дела и заботы, «что еще старику взбрело в голову собрать всех, видимся же периодически».

Встреча была назначена у раскладушки. Дед присел на нее, пересчитал родственников, убедился, что все пришли; и начал обращаться к каждому с напутственным словом, так, будто собирался уехать куда-то. «Ты помирись с тем-то, ты долги раздай, а ты перестань играть в карты...» Много всего тогда наговорил прадед, а в завершении сказал: «А теперь идите, я устал и хочу немного поспать». Лег, как обычно, на свою старую раскладушку, подложил под голову шапку и больше не просыпался.

Вот так прожил 105 лет и умер как герой плохого романа.

КОСТЯНОЙ КРЕСТ

Несколько дней светило солнце — так непривычно, будто остров в беспокойном сне сбросил с себя облачное одеяло и теперь щурился от навязчивого света.

«Надо же, и в аду бывают погожие деньки», — подумал Глеб, всматриваясь в бесконечный небосвод. Птицы, похожие на орлов, парили над островом. Глеб и раньше видел их, но не в таком количестве. Они как будто радовались солнечным дням, высматривали грызунов, а иногда доедали останки тюленей, выброшенные Глебом неподалеку от вагончика.

Видимо, мать-природа не привыкла баловать эти острова изобилием света, потому что на смену хорошей погоде снова пришли нервные ветра, завывали своим простуженным голосом одну и ту же песню, напоминавшую вой смертельно раненной собаки. Небо заполонили тяжелые облака, поочередно выбрасывающие то снег, то град. Стало невыносимо холодно. Поход за тюленем был целым подвигом. Кергеленским ветром можно было сбривать недельную щетину. Казалось, что холод этих островов имеет какую-то накопительную систему. Он проникал в кости, замораживая человека изнутри. Согреться с каждым днем становилось все сложнее. Даже хорошо натопленный вагончик и неподъемная дубленка не спасали; может, потому, что холод был разбавлен страхом. Оставалось 14 дней.

Ночные кошмары выстроились плотной шеренгой в сознании Глеба, теснили друг друга ватными плечами, каждую раз изобретая новые образы.

В последнюю ночь, когда уснул буквально на час, приснилось, будто стоит на острове лютая зима, снега по колено, мороз градусов сорок, остров похож на огромный кусок зефира с истекшим сроком годности. Ветра, как ни странно, нет. Глеба тоже нет, точнее, он не осознает своего места на острове, вроде как существует здесь телесно, но не может понять где. На огромный зефир слетается стая мух, воздух наполняется мерзким жужжанием. Глебу противно, он не хочет делиться с мухами своим зефиром, но бороться с этими тварями невозможно — их тысячи.

Мухи начинают сбиваться плотнее, образуя непроглядную черную тучу, общее жужжащее тело. Вначале это бесформенное существо расплывается по снегу, словно надпись на сливочном торте, потом уже отчетливо можно разглядеть отдельные участки тела. Овал головы, два зияющих отверстия вместо глаз, кажется, что каждое из них бесконечно, окунься в эти глазницы — и уже навсегда останешься в сетчатке новой галактики. Глеб закрывает глаза, ему противно смотреть на все это. В то же время он перестает быть частью острова, это тело отделяется от чего-то общего, обретает конкретные черты, завоевывает автономию в белом пространстве.

Сорвавшийся с цепи ветер возводит и обрушивает снежные стены, разрезает лицо на мелкие кусочки и заново собирает, путая последовательность, так что вместо глаза может оказаться ухо...

Глеб с невероятным ускорением попадает в собственное тело и застаёт себя скачущим верхом на огромной крысе. Он с трудом удерживает равновесие на бугристом вспотевшем теле животного. Вместо поводьев — стальные крысиные усы. Глеб на всякий случай намотал их на запястья, чтобы взобраться обратно, если соскользнет. Крыса все больше ускоряется, ее дыхание плавит снег. Вот-вот взлетит, но что-то мешает: может быть, Глеб, или что-то еще.

В то же время каким-то вторым зрением, вторым своим существом Глеб продолжает наблюдать за тем, как стая мух обретает человеческие формы. Макет тела обрастает сухожилиями, мышечные волокна быстро взбираются по ним, как если бы прокрутить на ускоренной пленке рост виноградной лозы по протянутым нитям. Сразу же нарастает кожа ржаво-лимонного цвета. Человеческое существо раскидывает непропорционально большие руки, как бы приглашая крысу в объятия.

Вот уже различимы черты лица, шрам на лбу; «Это я, — радостно думает Глеб. — Это я рассер тебе башку, сволочь».

Две реальности сталкиваются лбами на бешеной скорости. Крыса врывается в пределы новой человечины, разрывая ее на куски. С громким хрустом тело разлетается по удивленному снежному покрывалу, руки-шлагбаумы, туловище, голова, — все рассыпается, освобождая рой. Мухи взмывают в черное кергеленское небо и становятся облаками.

Крыса сбавляет бег, она все тяжелее дышит, того гляди завалится на бок и умрет как загнанный конь. Глеб изо всех сил тянет на себя усы-поводья, они, как стальные струны, впиваются в кожу, кровь стекает на снег, и крыса, подогнув ноги, падает на пузо, еще несколько десятков метров скользит по земле. Глеб какое-то время лежит на ее взмыленном теле, слыша, как неистово стучит крысиное сердце, потом вытягивает из кожи впившиеся усы-поводья. Падает на снег, как на что-то родное. Чистое.

Боли нет. Ничего нет, кроме желания пить. Он горстями заглатывает снег. На вкус — как тюленьё мясо.

Теперь он относится ко сну как монах — принимает за послушание, только ради восстановления сил, несколько часов за ночь, бесцеремонно объявляя ужасным сновидениям: «Утро, господа вурдалаки, сохраняйте очередь, завтра продолжим». И вурдалаки сохраняли. Они приходили даже днем, убедиться, не спит ли Глеб, — а вдруг дал слабину, так можно успеть нескольким короткометражкам мелькнуть.

Глеб называл их с иронией «посетителями». Но и днем он чувствовал их незримое присутствие, они существовали в виде списка. Слово сознание Глеба — это паспортный стол, в который нужно записываться загодя, оставляя свою фамилию на листе бумаги, прикрепленной к двери. Список этот мог выглядеть примерно так:

1. Инсценировка расстрела.
2. Падение в бесконечную пропасть.
3. Постепенное увязание в болоте, при этом полная потеря сил, и отсюда — невозможность сопротивляться.

...В правом нижнем углу вурдалачьей рукой была старательно выведена надпись:

«Список не срывать — есть копия. Квоты на хорошие сны в этом месяце не предусмотрены.

Администрация ада».

Так прошла еще одна неделя — быстрая, холодная, практически бессонная, высеченная зарубками на стене.

За семь дней Арман не появился ни разу. В последнюю встречу он жаловался на боль в спине, видимо, обострилась старая болячка.

Глеб часто приходил к скале Данте, просто потому, что идти было некуда. Это единственное место, где ветер разбивается о скалы, не сбивает с ног и не пытается снять с тебя одежду.

Глеб похудел килограммов на пятнадцать. Зарос густой щетиной. Стал похож на монаха-отшельника.

Возвращаясь с каждодневного обхода владений, заставал крысу в кровати. От страха и безнадежности положения у него стал появляться придурковато-мрачный юмор...

Вот приплывает Андрей с расстрельной командой, победоносно высаживается на остров, надеясь встретить трясущегося от страха человека, молящего о пощаде, а навстречу ему выходит Глеб с огромной крысой на поводке.

Аккуратно причесанный, борода топорщится, осанка безупречная. «Здравствуйте, гости дорогие, не стойте на пороге, проходите в дом. Угощайтесь жареным тюленем, можно сырым. Да что там, могу живого тюленя притащить...»

Андрей переводит удивленный взгляд с Глеба на крысу и пристреливает обоих.

* * *

В последние дни он старался меньше спать. Вспомнилась прочитанная когда-то статья о том, что человек проводит треть жизни во сне. Стало обидно: «Можно было больше бодрствовать, или хотя бы днем не ложиться, слабак».

Метался по вагончику, борясь с усталостью, злился на себя, на отяжелевшие веки, на человеческую потребность в отдыхе. Когда совсем слабел, скидывал дубленку и выходил на улицу в своем износившемся тряпье, замерзал, но потом, стоило только надеть дубленку и где-нибудь присесть, облокотившись на спину, сон возвращался с удвоенной силой. Сначала взгляд останавливался на одной точке, потом что-то уютное, мягкое опускалось на тело, поднимало в воздух и медленно раскачивало в невидимом гамаке.

Вскакивал, снова злился, что уснул, а еще и отсутствие часов не позволяло сказать, надолго ли?..

«Нет, так не пойдет. Когда устану стоять, нужно присесть так, чтобы не было опоры для спины». Сработало. Как только засыпал, падал на пол, вскакивал с радостью, понимая, что если и уснул, то ненадолго.

Готовиться. Надо готовиться.

Почему-то захотелось носить нательный крестик. Никогда не носил, а теперь вот чувствовал необходимость. Обстругал с помощью мачете две тюленьи косточки, вытянул две нитки из свитера, одной скрутил кости в виде креста, другую обвязал вокруг шеи и прикрепил на нее сам крест.

Стало легче: «Господи, я здесь, Прости меня. Я себя не буду прощать, но ты, Господи, прости. Сделай, пожалуйста, так, чтобы Андрей слово сдержал... Почему я чувствую, что ты здесь? Говорят, что мученической кровью смываются многие грехи. Господи, это правда?»

Как же все быстро. Вроде и не спишь, и не общаешься ни с кем — ну, кроме крысы, а время тает так стремительно. Если зарубки на стене не врут, — а с чего бы им врать, — завтра его убьют. «Ночь — это все, что у меня осталось.»

Где-то посреди ночи по привычке хотел затопить печь. Прикоснулся — еще теплая, до утра хватит.

Когда в очередной раз упал, подкошенный сном, почувствовал боль в груди. Это крестик одним из острых углов впился в кожу. Снял крест, положил на печку, и дальше уже кто-то другой руководил действиями Глеба, кто-то невидимый и очень спокойный. Он взял с подоконника «Дневник Китобоя» и поставил рядом с крестом.

Из окна виднелось на удивление чистое небо, ни единого облака, только бесконечные россыпи звезд и ломтик растущей луны.

Зажег свечильник. Вернулся к печи, точно зная, что делать дальше.

Упал на колени, ощущая угасающий жар печи, пытался вспомнить хоть несколько строк из Евангелия, хотя бы несколько строк, они бы сделали эту книгу иной... «какие-то обрывки... имена учеников».

Потом все же вспомнил:

«Не бойся, только веруй», — это Господь сказал кому-то, только вот кому?

Взял с печи дневник — он был горячий, как свежееиспеченный хлеб, открыл первую страницу и, ногтем выдавив на бумаге слова Господа, вернул дневник на место.

Закрыв глаза, назвал свое имя и начал доставать из-за пазухи ядовитых змей с именами Гордыня, Зависть, Убийство...

Непонятно, из каких резервных источников памяти лилась эта речь, казалось, что Глеб сначала называет грех, а уже потом вспоминает его. «Вот вы где, твари ползучие, а я и забыл о вас. Как много, Господи, когда я только успел?»

«Невидимый и спокойный» схватил его душу и начал трясти, выворачивать наизнанку, так, что змеи слетали с нее клубками. Но они никуда не делись, шипели рядом, пытались вползти обратно.

«Невидимый» выслушал, накрыл голову Глеба прозрачной епитрахилью.

Глеб чувствует четыре прикосновения к голове — это священник перекрестил голову. «Так надо», — шепчет ему кто-то.

Встав с колен, Глеб поцеловал сначала надпись в дневнике, затем крест, надел его на себя. Крест нагрелся и заметно потяжелел.

ПО ДОРОГЕ НА КАЗНЬ

Из дневника Китобоя.

«Впервые почувствовал, что живет...»

Дверь была не привязана. Когда я вошел, Глеб сидел на полу с крысой на руках. Он гладил ее, что-то бубнил себе под нос. Крыса вытянулась серой торпедой и уже не казалась тем отвратительным существом из на-

шей первой встречи. Я заметил, что в вагончике прибрано. Все лежало на своих местах. Глеб специально оставил немного масла в светильнике: для меня сэкономил.

— Ты все-таки пришел, — сказал он, продолжая смотреть на стену.

— Да.

— Подумай еще раз. Не знаешь ведь, кто они. Застрелят тебя и через полчаса пойдут кофе пить.

— Мне для книги надо. И потом, кому я нужен, старик на краю географии. Что я могу сделать — прилететь на Большую землю и написать заявление в милицию?

Глеб переложил спящую крысу на кровать. До сих пор поражаюсь, как он сумел приручить ее. Крыса слушалась его как покорное дитя. Если Глеб говорил: «Уходи», она быстро ретировалась в отверстие у плинтуса. Бывали и более странные эпизоды крысего послушания...

Как-то раз мы вернулись с охоты и стали жарить мясо на печи. Глеб громко крикнул: «Вылезай, я знаю, что ты здесь», и крыса прибежала и начала тереться о ноги хозяина. Я не оговорился, именно хозяина. После того как она согрела Глеба, они стали лучшими друзьями. Она никогда не отказывалась от еды. По ночам, когда хозяин гасил светильник и укладывался спать, крыса прибегала, заползала по свисающей тряпке на кровать и устраивалась в ногах Глеба.

— Который час?

— Половина шестого.

— Пора, — вздохнул Глеб.

— А это что? — спросил я, заметив узелок из тряпок.

— Уголь. Хочу костер развести.

Мы шагнули в чернеющую утробу острова. Вымазались в чернилах ночи. Было подозрительно тихо. И куда только подевался ветер?

Глеб впервые почувствовал, что живет. Существует. Идет по земле. Осознает свое присутствие среди остальных семи миллиардов людей. Быстрые шаги выстукивают ритм частично забытого стихотворения.

Неправдоподобно звездное небо напоминает декорацию из спектакля. Завтра солнце встанет над этим безжизненным островом, согреет скалу Данте. Затем лучи упадут на крышу вагончика и, растекаясь по кровле, прольются на ржавую траву. Медно-купоросное небо, сумасшедший ветер, — все это будет. Ничего не изменится.

Крыса. Интересно, будет она искать Глеба? Да что за идиотизм?! Жить осталось считанные часы, а он думает о крысе...

Ночь нашептывает ему, что человек ничтожен. Он исчезнет, и никто этого не заметит. Исчезнет навсегда.

Так думал Глеб. Хотите, назовите меня сумасшедшим, но я слышал, как он думает. В походке, дыхании, в каких-то едва уловимых движениях открывались тайны. Была еще одна причина, по которой я отправился с ним. Не хотелось называть ее, да и сейчас с большой неохотой пишу об этом, но если промолчу, скажу не всю правду, а моя задача быть максимально правдивым. За отсутствием писательского таланта, только правда может вытянуть автора на книжную полку. Итак, признаюсь: он был моим первым другом. Дожив до 67 лет, стыдно признаваться в этом, но, тем не менее...

Ему я так и не сказал.

Дойдя до озера, он умылся и еще раз попросил меня уйти. Я выр-

гался матом. Он тоже, и после проявления взаимной вежливости мы развели костер у скалы Данте.

Мы молча смотрели на огонь. Слова закончились. Я не мог заговорить, да и о чем говорить с человеком, который развел сигнальный огонь для своих убийц и терпеливо ждет? Но, после долгого молчания, Глеб нарушил тишину странным вопросом.

— Ты почему сутулишься?

— Старый, вот и сутулюсь.

— Не верю. Тюленя валишь с одного удара, старый, а осанку держать не можешь?

— Псих. О чем ты думаешь?

— Стараюсь думать о всякой ерунде, чтобы не бояться. Пожалуйста, давай поговорим о чем угодно, здесь так противно-тихо...

— Хорошо, я... только сразу договоримся: если ответ покажется странным, не надо говорить «да ладно» или «не может быть»?

Глеб утвердительно кивнул.

— Сутулюсь давно, мне всегда казалось, что я занимаю слишком много места. С детства сидит в голове мысль: «Как только выпрямлюсь, покажусь выскочкой».

— Верю. Но ведь здесь никого нет?

— А Он? — Арман указал пальцем на звездное небо.

— Вряд ли Он против.

Вот так и лились пустые слова. Даже и вспомнить сложно, о чем говорили.

Темные краски ночи уступили место бледному авитаминозному расцвету над Кергеленом. Легкий ветерок прогнал остатки дремы, наваянной теплом костра.

Затем мы молчали.

Долго и тяжело.

Мне все казалось, что он исчезнет и навсегда унесет с собой тайну. Я искал в нем себя. Подобно тому, как человек, отправившийся в далекое путешествие, постоянно думает, не забыл ли он что-то жизненно необходимое, так и я чувствовал, что не спросил у него самого главного. Рискнув быть посланным по известному маршруту, я все-таки заговорил:

— Как ты потерял семью?

— Не надо об этом.

— Значит, сам виноват?

— Почему ты так решил?

— Если бы она была виновата, ты сейчас возмущенно...

— Все, хватит... — прервал Глеб.

— Ладно, забыли, — сказал я, и уже собирался уйти, но Глеб схватил меня за рукав.

— Это глупо... То, как я ушел из семьи... глупо.

Я присел рядом:

— Говори, потом не будет возможности.

Никогда, даже пьяный, Глеб не затрагивал тему семьи. Когда друзья задавали много вопросов, он либо отшучивался, либо хамил, — оба метода работали безотказно. Но теперь, когда смерть была близко, он чувствовал необходимость рассказать обо всем.

— Ее зовут Карина. Она пыталась сделать из меня человека, но, как видишь, ничего не вышло. Мы поженились через неделю после знаком-

ства. Мы хотели терять времени, боялись, что жизнь закончится внезапно или гигантский астероид рухнет на землю, или пророчества народа майя сбудутся, — в общем, вели себя как типичные влюбленные. Я был счастлив круглосуточно. Знаешь, как это бывает?

Я покачал головой.

— В обычной жизни счастье случается короткими вспышками, и ты четко осознаешь, — вот эти три секунды я был счастлив. Это когда твой ребенок впервые улыбнулся тебе осознанно, или когда в детстве сидишь в саду и вдруг видишь, что мама пришла за тобой раньше времени... Я не понимал людей, которые ныли и жаловались на жизнь. Так вот, мое счастье не было вспышкой — это было нескончаемое сияние, эйфория, неведомость.

Глеб остановился, как будто вспомнил что-то. На лице его появилась гримаса злости.

— Ты испугался?

— Иногда тупость заворачивает...

— К чему ты это?

— Как еще объяснить интерес в твоих глазах? Я ведь рассказываю историю неудачника.

— Неудачник — мой любимый герой.

— Когда мы стали жить вместе, меня начала преследовать навязчивая мысль об ускользающей свободе. Потом родилась Кира, и вот тогда начались настоящие трудности. Я больше не контролировал ситуацию, не мог ничего планировать. Как и любой отец малыша — жил в режиме маленького ребенка: спи, когда он спит, бесшумно передвигайся по комнате, зарабатывай вдвое больше. И вот тогда я решил, что семья — это не для меня. Я пытался убедить себя, что поступаю правильно, вел образ жизни рок-звезды: проститутки, алкоголь, наркотики, — я намеренно превращал себя в животное, но в перерывах между процессами оскотинизации наступали приступы угрызения совести. Карина целых семь лет терпела.

Посмотри, Арман, какая живучая штука совесть. Валяешься в грязи, утопаешь в разврате, — а она живет, надеется.

— Ждешь осуждения с моей стороны?

Глеб отрицательно покачал головой.

— Хочешь вернуться?

— Разве это имеет значение? У меня осталось несколько часов...

— А если бы...

— Хватит! — крикнул Глеб. — Ты ничего не знаешь. Все закончится здесь. Приедет этот чокнутый тип и пристрелит меня как собаку, а потом закопает на этом гребаном острове...

— А может, нет?

Глеб успокоился и присел рядом. Ветер невидимым гребнем расчесывал бледно-зеленый покров острова. Зеркальная поверхность воды возмущалась. Маленькие волны, тщетно пытаясь догнать друг друга, растворялись в береговой линии. Из внезапно появившейся тучи посеял мелкий дождь, но мы по-прежнему сидели неподвижно, не замечая испортившейся погоды.

— Я даже уйти по-человечески не смог. Сказал, что иду на работу, — признался Глеб, но ветер похитил его признание и унес в сторону скалы Данте.

Костер пришлось реанимировать трижды. Когда последние угли утратили тепло, показался корабль. Глеб заметил его, в очередной раз вскарабкавшись на скалу Данте. Помню реакцию: он спрыгнул и замер, как будто пытался что-то вспомнить, постоял несколько секунд как статуя, и присел на корточки, опираясь на холодные камни.

— Это он, — сказал Глеб.

Вот тогда мне захотелось исчезнуть. До сих пор помню, как ноги затряслись, но я остался. Первым залез на скалу и подал руку Глебу. Он все еще пытался уговорить меня уйти, даже когда мы стояли во весь рост на скале и наверняка были замечены людьми с приближающегося корабля, который из черной точки постепенно превращался в большое судно.

Никак не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Странно, вроде бы Глеб рассказывал много раз, как приедут его убивать и что это будут за люди, и за что, собственно, они хотят убить его, но я все же не отбрасывал вариант о психическом расстройстве моего нового друга. Когда корабль остановился где-то в пятидесяти метрах от скал и на воду была сброшена шлюпка, я попросил прощения за то, что не до конца верил ему.

В шлюпку спустились четверо основательно укутанных в меха людей. Они были похожи на иллюстрацию участников полярной экспедиции из моих детских книг.

— Тебя не узнать, — крикнул один из меховых комков, всматриваясь в тощую фигуру Глеба.

Гости из шлюпки в считанные секунды оказались возле нас. Видимо, от страха я даже не понял, как они высадились и залезли на скалы.

Теперь я разглядел их внимательно. Узнал Андрея по описаниям Глеба.

— Ну что, мой друг, готов? — спросил Андрей, когда мы спустились на землю.

— Зачем тебе телохранители — боишься, что я нарушу уговор? — ответил Глеб вопросом на вопрос.

Мы медленно плелись в сторону вагончика. Не договариваясь, словно действуя по заранее обдуманному сценарию. Андрей с Глебом шли на несколько шагов впереди, за ними — телохранители, каждый из них нес по две тяжелые сумки. Я следовал за этой процессией.

Слышались отдельные фразы из разговора. Странно, но они даже не обратили внимания на лишнего свидетеля.

Убийцы не торопились. Им захотелось посмотреть жилище Глеба, увидеть, как он выжил. Гости с Большой земли были в хорошем настроении. Опричники обменивались плоскими шутками, Андрей изредка отпуская остроты, кривляясь, как бездарный актер.

Не могу точно сказать, сколько времени мы с Глебом провели на улице, пока Андрей с друзьями осматривали хижину. Не понимаю, что они там искали? Несколько раз они выходили и коротко совещались.

— Все понятно, — резюмировал Андрей, закрывая дверь. — Картинка сложилась.

Глеб не отреагировал на реплику Андрея.

— Старик, уходи отсюда, — обратился он ко мне.

Я хотел сказать, что хочу остаться, но один из верзил схватил меня за горло и швырнул в сторону.

— Арман, пошел вон! — заорал Глеб.

И тогда я ушел. Без героизма. Мне стало страшно. Думал, что все контролирую, но нет...

У вас возникнет резонный вопрос, как я узнал, что было дальше? На вашем месте я тоже возмущился бы, но поверьте, всему есть объяснение...

Обещаю в конце книги все расставить на свои места. Теперь вернемся к событиям, которые разворачивались после моего ухода.

— Готов? — спросил Андрей, глядя Глебу в глаза.

Они стояли напротив друг друга, как боксеры перед поединком.

— На лодке я видел спутниковый телефон. Можно позвонить? Пожалуйста... это вроде как последнее желание...

Андрей подал знак одному из верзил, и тот достал телефон из-за пазухи.

— У тебя пять минут. Не дашь отбой, на том конце провода услышат выстрел.

— Спасибо, — сказал Глеб, бережно взяв трубку.

Андрей с друзьями решили погреться в хижине, пока Глеб будет говорить.

Набирая номер, Глеб не знал, что скажет Кире. А может быть, дома никого нет. Или трубку не возьмут, увидев незнакомый номер.

Ровно семь гудков, и он услышал голос дочери. Он даже не сразу понял, что она сказала. Просто услышал голос, и звук этого голоса затмил все на свете.

— Привет, родная, — сказал Глеб, чувствуя, что сейчас потеряет сознание.

— Кто это?

— Папа. — Звук застрял в горле. Что-то внутри разорвалось. Уменьшился объем легких. Короткие, только короткие вдохи. — Это папа, папа...

— Папа, почему ты кричишь? У тебя все хорошо? Где ты был? Мама сказала, что не знает, куда ты пропал.

— Послушай, я люблю тебя.

— И я тебя, па. Ты что, плачешь?

— Нет, что ты, связь плохая.

— Пап, я хочу с тобой на море поехать, только ты и я, мама разрешила. Почему ты молчишь? Не хочешь? Когда ты вернешься?

— Хочу, моя хорошая, очень. Который час?

— Десять вечера. Я одна дома, мама ушла по делам, но мне не страшно.

— Дай угадаю, ты везде включила свет?

— Ага.

— Помнишь, какая ты раньше была трусиха? «Папа, посиди со мной, пока я не усну».

— Пап, представляешь, я на плавание хожу.

— Ничего себе.

— Ты не сказал, когда вернешься.

— Не знаю, — в первую минуту разговора он практически разжевал нижнюю губу. Глеб сидел на ледяной земле, закрыв глаза, он растворялся в звуке любимого голоса.

Затем наступила тишина. Шорох в трубке и снова голос Киры.

- Если честно, немного страшновато.
- Не бойся, помнишь, как я тебя учил?
- Помню, подожди секунду, я закрою окно.

Он пытался дышать. В животе заныло, ощущение такое, будто проглотил гирию. Его маленькая девочка. Кира. Он вспомнил, как впервые увидел ее. Медсестра вынесла сверток. Кира посмотрела на него. Глебу еще показалось, что медсестра небрежно держит такое сокровище — одной рукой. Потом он вспомнил выписку, как осторожно нес Киру, боясь оступиться... Первые зубы... Первую температуру... Первые шаги...

Господи, спасибо тебе за все.

— Пап?

— Я тут.

— Посидишь со мной, пока я не усну?

— Конечно. Закрывай глаза и слушай: однажды Рома, Коля и Петя...

— А можно ту часть, где они с пингином познакомились?

— Можно... Однажды Рома, Коля и Петя познакомились с толстым пингином... — Он прикрывал ладонью трубку, не давая ветру украсть слова. — Они отправились вместе в Антарктику, кататься на санках. Погода была отличная. Солнце отражалось от снега, и зайцы надели специальные очки, чтобы не повредить глазки.

...Он вспомнил тусклый свет комнаты, светильник в виде божьей коровки.

Вечерние сказки о зайцах иногда получались особенно смешными. Они смеялись вместе над нелепыми ситуациями, в которые вечно попадали герои. Глеб и сейчас чувствовал, что Кира улыбается. Он потерял ощущение времени. Постоянно смотрел на дверь вагончика. Вот сейчас, в эту минуту, они выйдут. Нужно сказать «пока», или еще что-то сказать...

— ...Так незаметно пролетел день. Уставшие зайцы и пингвин забежали в теплую хижину, чтобы поужинать. Они сняли с себя мокрую одежду, растопили печь и начали жарить мясо.

— А что, пингины мясо едят?

— У нас особенный пингвин, доча, он и мясо ест, и на санках катается.

— И понимает язык зайцев, — засмеялась Кира.

— За ужином пингвин сказал, что хочет остаться...

— Нет, пап, не надо! Пусть он будет с зайцами.

— Ну, это выбор пинговина. Ему так будет хорошо.

— Пап, ты же сочиняешь сказку, сделай так, чтобы они не расставались.

В этот момент подошел Андрей. Он постучал указательным пальцем по циферблату наручных часов и попросил отдать ему телефон.

— Еще одну минуту, — сказал Глеб, закрывая микрофон.

Андрей отрицательно покачал головой.

— Ты еще позвонишь?

— Да.

Андрей нажал на кнопку отбоя, и в трубке послышались короткие гудки.

— Завяжите ему глаза, — сказал он.

Один из верзил достал из-за пазухи черную ткань.

Глеба поставили на колени. Повязка сильно стягивала голову, так что он мог чувствовать пульс в виске.

Он затаил дыхание и втянул голову в плечи, будто это могло как-то смягчить выстрел...

Почему-то вспомнил соседа Костю, умершего от передозировки героина, он был постоянным клиентом, заходил в любое время суток, брал в долг. Глеб даже чувствовал себя благодетелем, делая в очередной раз скидку на порошок. Костя был талантливым художником, рисовал иконы.

Перед смертью он сильно похудел, глаза заплыли пеленой. Костя перестал ходить, звонил Глебу и просил принести дозу.

А потом он умер.

Глеб тогда напился до полусмерти, пытаясь совесть заглушить. Потом точно вот так же, как сейчас, упал на колени и хотел помолиться, но оказалось, что он не знает ни одной молитвы. Так и простоял несколько часов, временами прикладываясь к бутылке, а потом уснул в собственной блевотине.

Странно, почему перед смертью он вспомнил Костю? Хорошего художника Костю, которого, может быть, удалось бы спасти. Он ведь колотья-то начал с горя — жена ушла.

Глеб услышал шепот, какую-то возню.

Он старался не шевелиться, чтобы продлить это чудо. Пока он живет, слышит, мерзнет, его тошнит, — но он все же живет.

Послышался шум, словно огромный миксер сбивал густой кергеленский воздух. Что-то очень знакомое, из недавнего прошлого, что-то связанное с болью, со страхом не дожить до казни, ...ну, конечно, это птицы, та самая стая, что явилась в бреду, когда он лежал в вагончике с высокой температурой. Они окружили Глеба, он чувствовал неприятное прикосновение теплых птичьих тел. Эти твари, они заполнили собой все пространство, некоторые уселись на голову, стараясь закогтиться.

— Кира-а! — закричал он, так что последняя буква в имени дочери сорвалась на хрип. — Эти птицы сидят на моем лице, он хотя бы выклевать глаза, тогда у них ничего не получилось, они вернулись, Кира, вернулись, — голос понемногу сходил на нет. Глеб просто хрипел, чувствуя неприятно мокрую повязку на глазах. — Спи. Это все понарошку. Я приеду. Спи.

Он мысленно закрыл невидимую дверь в комнату Киры и стал яростно отмахиваться от стаи.

— Скоро ужин, суки, скоро ужин, — кричал он, пытаясь поймать хотя бы одну птицу. Стало безумно жалко глаз. Надо прижать руки крепче к лицу, так и умереть, пусть тело истлеет, но глаза не отдам.

«Ничего не перепутай», — эта фраза прорвалась сквозь птичий гам.

Глеб перестал ощущать землю под ногами. Колени онемели, ему казалось, что он парит в воздухе, что птицы подняли его и пытаются унести. А может, не птицы? Может, это бесы? Может, я уже мертв, не услышал выстрела, не понял, как умер.

Так бывает. Да, все верно, он читал об этом — прилетают бесы за душой, всегда прилетают чуть раньше ангелов, чтобы запугать душу.

Но ангелы все же придут, они начнут пререкаться с бесами, отстаивать душу, проводят до частного суда.

На мгновение он потерял всякую гордость, захотелось кинуться в ноги Андрею, залить слезами его обувь, просить прощения, пусть он отрубит ему все остальные пальцы, да хоть руку, ногу — что угодно, только бы вернуться на Большую землю, еще раз обнять Киру и больше не отпускать.

Идиот, зачем он обещал вернуться... теперь Кира подумает, что он просто бросил ее.

...потом наступила тишина. Даже ветер куда-то подевался. Звенящая тишина, от которой с ума можно сойти.

В голове все еще звучал голос Киры. Она сейчас лежит под одеялом и мирно засыпает. Миллионы людей на земле занимаются в эту минуту повседневными делами, идут на работу или забирают детей из школы.

«Мир не может быть таким спокойным, когда на коленях стоит человек и ждет выстрела в затылок. Что-то должно случиться. Нарушение естественного порядка должно каким-то образом отозваться в природе», — так думал Глеб, не понимая, как горе отдельно взятого человека может поместиться в рамках его маленького мира. Как оно не обрушивается огромной волной на все человечество или хотя бы на соседей по лестничной площадке.

В то же время подсознание подсказывало: праздник и похороны на территории десяти квадратных метров — это норма.

— Стреляй! — закричал Андрей. Глеб втянул голову в плечи.

Затаил дыхание.

Раздалась оглушительная канонада, сотни всплесков и взрывов за несколько секунд. Видимо, он уже умер, и так выглядит загробный мир. Точнее, он такой на слух.

Неизвестно, сколько времени Глеб простоял на коленях, не понимая, в каком из миров он находится.

Но если он чувствует холод? Если слышит взрывы, значит, душа еще не покинула тело?

Сквозь грохот прорывались отдельные фразы.

«Хватит», — это было последнее слово, которое услышал Глеб, прежде чем с него сорвали повязку.

То, что он увидел, в прямом смысле свалило его с ног. Он не смог удержаться даже на коленях.

Несколько коробок извергали из себя ракетницы-фейерверки. Небо окрашивалось в яркие тона. Свинцовые тучи угрожающе висели над салютом. Кергеленское небо удивленно уставилось на вспышки света. Это небо впервые увидело яркие краски.

— Развяжите человеку руки, — сказал Андрей.

Он как-то изменился в лице. Исчезли черты убийцы. Он теперь походил на обычного пожилого человека, которому хочется поскорее убраться с этого острова и опустить ноги в любимые тапочки.

Верзилы помогли Глебу подняться и освободили руки от повязки.

— Поздравляю, Глеб, ты выжил. У тебя сейчас миллион вопросов, на которые, конечно, ты получишь ответы, но для начала слушай: это не посмертная галлюцинация, ты жив.

Глеб снова свалился с ног. Ему казалось, что он лишен опорно-двигательной системы. Что из него вынули скелет. Он тщетно пытался встать, как боксер после тяжелого нокаута, но всякий раз падал, пока, наконец, Андрей не приказал верзилам взять его под руки.

Глеб пытался заговорить, но выяснилось, что он забыл, как это делается. Он не мог вспомнить ни одного слова.

После короткого спора между верзилами по поводу того, кто будет нести полуобморочное тело к кораблю, один из них взвалил Глеба на спину и, недовольно забормотав, поплелся к скале Данте. За ним последовали Андрей и второй опричник.

Фейерверки закончились. Тяжелые коробки дымились, источая запах серы.

Гости поспешили вернуться на корабль. С плеча одного из верзил свисало истощенное тело Глеба. Он потерял сознание, и, возможно, это спасло его от умственного помешательства.

ЗАПАХ МЯТЫ

Дневник Китобоя.

«Ничего не перепутай...»

Каюта была теплой и уютной. Осознание собственной защищенности никак не вязалось с последними событиями.

Глеб приподнялся, сделав опору на локоть, разглядел помещение.

Не более десяти квадратов. Стены выкрашены в ярко-зеленый. Тусклый свет.

Маленькая тумбочка возле кровати увенчана дурацкой надписью: «Четверг — это среда, только днем позже».

Напротив кровати — массивная железная дверь без ручки.

Справа от Глеба — зеркало во весь рост.

Глеб встал, опираясь на стену, какое-то время ловил равновесие, после чего стал бесцельно измерять шагами каюту, нервно запуская пальцы в запутавшиеся волосы, как будто у него сейчас должна состояться важная встреча, а он выглядит неопрятно.

При ближайшем осмотре тумбочка оказалась маленьким холодильником, доверху набитым красивыми бутылками разных форматов.

Глеб выбрал одну из них, — ярко-малинового цвета, — откупорил и большим глотком опрокинул в себя добрую половину.

Врачующее тепло расплзлось по всему телу. Он почувствовал себя органичным, вянтым, осознанным. Тело, перебитое друзьями Андрея и изрядное потрепанное кергеленскими ветрами, стало удивительно последовательным и послушным. Глеб соглашался даже с отсутствием пальца, вроде как лишнего в этой уже завершенной композиции.

Он был доволен заостренными чертами лица и отсутствующим взглядом. Согласился со строением плечевого пояса и вырастающих из него рук. Пощупал ноги — «Ничего, крепкие».

Никогда он не пьянел так быстро.

Думал: что делать?

Закричать, пусть придет кто-нибудь и, наконец, развеет сумасшествие, — сколько можно. Потом мелькнула мысль, от которой в секунду выветрился весь хмель...

— Откройте! Эй, вы что, твари?! Договор есть договор. Два месяца прошло, я ничего не нарушил, Андрей! — вопил он, сбивая кулаки о железное полотно двери, — Старая ты тварь, я ничего не нарушил...

Вернулся к бутылке, влил в себя оставшуюся половину и тут же пожалел об этом, — ноги стали тяжелыми, пропала фокусировка, надпись на тумбочке распалась, и буквы разбежались в разные стороны, как тараканы, испуганные внезапно включенным светом.

Упал возле кровати, стянул на себя коричневое покрывало и беззвучно плакал. Как только фантазия начинала рисовать картины расправы с семьей — Глеб выкрикивал ругательства, таким образом, прогоняя страшные мысли.

Вспомнил салют и снова усомнился в собственной адекватности.

«Ну и пусть тяжело двигаться, — шептал Глеб в одеяло, приглушая звук собственного голоса. — Надо еще выпить, еще...»

Залитое спиртом сознание подсказывало единственный выход — «открой еще одну».

Дополз до ящика, открыл пузатую бутылку коньяка и так же безудержно влил в себя несколько больших глотков, так, что слезы выступили.

Внезапно почувствовал запах мяты. Как в старые времена, когда приезжал к бабушке в деревню, срывал большой пучок мяты и окунался в него головой, — не мог надышаться. «Что может пахнуть лучше мяты?» И сам себе ответил: «Может»; голова младенца пахнет Раем, Царством Небесным пахнет.

Но этот запах, где же он раньше встречал его?

Ника. Конечно же, Ника.

В эту же секунду он перекатился на другой бок, увидел ее, такую же красивую, как тогда в клубе, только теперь ему не хотелось обладать этой красотой. Да пошла бы она к лешему.

— Я напился. Ты видение! — обратился он к девушке, стоящей посреди каюты, удивительно похожей на Нику.

Глеб не услышал, как она вошла, — пошла вон, дура, и забирай с собой свои мятные ароматы.

— Можно и мне с тобой? — спросило видение, показывая на бутылку.

— Прости, с призраками не пью, — Глеб взорвался коротким неприятным смехом, снова прикладываясь к бутылке.

— Я тоже, — сказала Ника и поцеловала Глеба в губы. В глазах читалось: «Теперь веришь, что настоящая?..».

Она быстро достала из холодильника бутылку ликера, присела рядом, будто ждала вопросов.

— Ах, ты... — Он не мог найти подходящее слово, выводя пьяным умом запоздалое прозрение. — Ты с ними...

Глеб схватил Нику за шею, но сил практически не осталось, она легко сбросила его руку.

— Да. С ними.

— Мятная тварь, — брызнул слюной Глеб, отползая от нее, как от чего-то гадкого, скользкого...

— Меня Алина зовут. Вообще-то я пришла ответить на твои вопросы, пьянь, так что не надо меня душить, лучше поговорим.

Глеб машинально, вопреки желанию пить, все-таки допил вторую бутылку. Он щурился, пытаясь собрать воедино расплывчатые черты лица Ники-Алины, одновременно стремясь удержать руками стремительно уплывающий пол.

— Сядь по-человечески, Глеб, не надо стоять на четвереньках, — попросила она, но без издевки.

— Хорошо, — сказал он, подползая ближе к Нике-Алине. — Давай поговорим.

— Спрашивай.

— Почему ты пахнешь мятой, ты же ведьма, тебе не положено, — выпалил он непослушным пьяным ртом, глотая половину слов, и тут же почувствовал, что сейчас снова заплачет.

«Проклятый алкоголь, что он делает с людьми, не буду, нет», — повторял он про себя, растирая пальцами переносицу.

Ника-Алина что-то говорила, но трудно было расслышать сквозь гул в ушах.

Глеб ударил себя несколько раз по щекам, понимая, что отключаться сейчас нельзя, ни в коем случае.

Опустились отяжелевшие веки, и он оказался на берегу спиртового озера один, в полной темноте. Тусклое сияние звезд позволило разглядеть на воде бумажный кораблик с надписью: «Будь вежлив, идиот, она одна из них».

Он взглядом поджег озеро, корабль вспыхнул. В свете пылающего спирта появился Арман Китобой. «Она спала с тобой за деньги, — это мятная проститутка!» — кричал он.

— Не пей больше, сердце может не выдержать, — сказала Ника-Алина, не давая Глебу окончательно погрузиться в алкогольное забытие.

Его качало на волнах, протаскивало по дну, и не было ничего статичного в этой маленькой комнате.

Буквы, сбежавшие с холодильника, вернулись, снова выстроились в странную надпись о четверге.

Он и не понял, как голова оказалась на коленях у Ники-Алины. Она гладила Глеба по голове так естественно, будто это ее парень или родственник.

Глеб что-то говорил ей, но слова сгорали в воздухе.

— И вовсе не проститутка, — говорила Ника-Алина в каких-то колыбельных интонациях, медленно проводя рукою по волосам Глеба. — Просто такая работа.

И потом что-то еще, несомненно, важное, но и эти слова были развеяны керегенскими сквозняками, которые спрятались в складках одежды Глеба и теперь вырвались на свободу, а Ника-Алина, когда Глеб шестой или седьмой раз назвал ее Кариной, перестала его поправлять.

Потом были несколько очищающих капельниц с добавлением каких-то препаратов, от которых хотелось постоянно спать. Редкие минуты бодрствования, когда Глеб чудом вырывался из вязких объятий сна, приводили в еще большее недоумение. Он видел то врачей, безучастно глядящих на него в упор, то Нику-Алину, приносящую на подносе какие-то предметы. Сил хватало на несколько поворотов головы и короткие ругательства, после чего Глеб сдавался под натиском головной боли, старался как можно меньше шевелиться и, получая очередную дозу, засыпал снова.

Когда в очередном снотворном путешествии почувствовал, что плывет по холодной реке, снова прорвался сквозь сон и застал себя лежащим на носилках.

Верзилы Андрея несли его по каменной набережной к небольшому самолету. Глеб решил схитрить, не стал подавать виду, что проснулся, хотел послушать, о чем говорят, но верзилы, как назло, молчали.

Приходя в себя на заднем сиденье автомобиля, наконец, ощутил в себе хоть какие-то силы. С ногами забрался на сиденье, осмотрелся: сидящий затылок водителя, кожаный салон, автомобиль несется на приличной скорости, за окном проскакивают знакомые пейзажи.

Хотелось одновременно: заорать, ударить водителя и заставить остановить машину, разбить стекло.

В итоге не сделал ничего.

Мужское достоинство болело так, будто его потеряли наждачной бумагой и посыпали солью. Глеб — студент-медик, на минуту проснулся в поломанном сознании и произнес противное слово — катетер. Ну, конечно,

он ведь спал целую вечность, они встали катетер, но особо не церемонились и расцарапали мочевой канал. Быстро усмирил воображение, навчавшее рисовать неприятные картинки...

Машина остановилась так резко, что сонный Глеб не успел подставить руки и головой врезался в обшивку переднего сиденья.

Седеющий затылок засмеялся: видимо, это его коронный прием.

— Вылезай, — сказал он, — пора на собеседование.

«Урод», — подумал Глеб, почесывая лоб.

Только сейчас заметил, что его переодели: серые штаны точно по размеру, свитер шерстяной, колется. Пальто немного великовато. Ботинки жмут.

«Да чем они напичкали меня, — думал он, осматривая останки некогда процветающего завода прессовых узлов. — Я дома, но почему на окраине города, и почему не испытываю желаний убить водителя? Почему я не выбью из него информацию о своей семье?..»

Бледно-серые сваи торчали, обнажая цинготную улыбку разрушенного здания.

Картину запустения не спасал даже обильно выпавший снег.

Разруха, засыпанная снегом — это слово «одиночество», принявшее материальную форму.

— Пойдем, — позвал водитель, ловко перемещаясь по кочкам. Глеб заторопился за ним. На всякий случай приложил руку к груди — крестик на месте.

Преодолев довольно сложный путь, где несколько раз пришлось протискиваться в узкий просвет близко расположенных друг к другу зданий, он остановился у ржавой железной двери.

— Буду в машине, — бросил водитель, по-молодецки поскакав обратно. Дверь открылась от легкого прикосновения.

КАМЕННЫЙ МЕШОК

Дневник Китобоя.

«Общество Назарет...»

Глеб оказался в круглой комнате без окон. Сужающиеся кверху высокие потолок обшиты деревом. Стены выложены из огромных каменных валунов. В центре комнаты — деревянный стол на хилых ножках. Помещение это напоминало каменный мешок. Один из валунов плавно отодвинулся, и в комнате появился человек небольшого роста, с неправильными чертами лица. У него была явная асимметрия лица, левый глаз сильно прищурен. Тонкие губы символической запятой предвещали огромный подбородок. Человек, не смотря на Глеба, представился Климентием и знаком предложил ему подойти к столу.

— Вот, читай, — сказал он, достав из ящичка стола папку с файлами и направился в сторону двери.

— Подождите, мне...

— Прочти спокойно, я приду через четыре минуты.

Он скрылся в каменную нору.

Глеб открыл папку. Сначала он не мог вникнуть в смысл слов, так как его привлек почерк. Это был почерк отца: высокая «р», крючковатая «т», аккуратно выведенная «а» с заступами поперечной линии. Он не мог по-

верить. В конце текста стояла подпись отца. Та самая подпись, которую он видел сотни раз и даже подделывал в школе.

Сердце взяло сумасшедший ритм. Буквы потекли по бумаге. Папка казалась тяжелой, и Глеб положил ее на стол и попытался подавить в себе тошноту.

Из темноты появился Климентий.

— Ну что, прочел?

— Почерк отца, откуда, что вы...

— Все понятно, — вздохнул Климентий, — навывдумывал, наверно, страшные картины. С отцом все в порядке.

Глеб схватил папку:

«Я не возражаю против методов Назарета, какими бы они ни были. Обязуюсь держать в тайне факт нашего сотрудничества. Вы обещали мне, что он не умрет. Вы возродили множество жизней. Сдержите слово, и я никогда не обмолвлюсь и звуком о Назарете. Вергут Георгий Витальевич».

— Что это значит? Что такое Назарет?

— Мне нельзя говорить особенно много, но ввиду хорошего отношения к тебе Верховного, вот, читай, — сказал Климентий, протягивая сложенный вдвое лист бумаги.

«Общество Назарет.

Год возникновения: 1308.

Основатель: отсидевший 24 года за убийство Иосиф Справедливый.

Он хотел сделать землю чище, убивал блудниц, но в тюрьме пересмотрел свои взгляды и решил организовать радикальную организацию по спасению душ.

Место, где находится центральный офис, знают три человека.

Способ сотрудничества: Назарет сам связывается с потенциальным клиентом и предлагает помощь в обмен на солидную сумму.

Три этапа изменения сознания:

1. Легкое или среднее увечье (перелом, глубокие раны, отрезание пальцев или ушей) и назначение дня казни.

2. Одиночество (полгода без людей, за редким исключением появляется наш человек).

3. Инсценировка казни, предложение вступить в общество (только тем, кто понравился Верховному).

Верховный — потомок Иосифа Справедливого. Власть передается из поколения в поколение по мужской линии.

Резиденты общества на сегодняшний день: 326 человек. Каждый из них прошел все этапы очищения».

— Теперь давай сюда.

Глеб продолжал сжимать в руке бумагу, как будто душил змею. Климентий вырвал лист и поджег зажигалкой.

— С третьим пунктом все понятно?

— Понятно.

— Можешь присоединиться к нам?

— Что?

— Я говорю, можешь стать одним из нас...

— Значит, все это время моей дочери ничего не угрожало?

— Нет. Кира с мамой уехали отдыхать. Не надо так на меня смотреть, мы следили за ними, на всякий случай. Назарет заботится о семьях своих клиентов.

Мгновенно в каменном пространстве замаячили образы, как злые духи, вызванные из ада фразой Климентия. Глеб сразу же представил себе очередного беднягу, который сейчас знакомится с девушкой в клубе и не знает, что утром его жизнь оборвется и, может быть, он умрет, если не будет на особом счету у Небесной канцелярии.

Представил себе, что, отказавшись стать членом Назарета, он уже не покинет это здание. В конце концов, Назарет — это в первую очередь бизнес, замаскированный благим намерением спасти заблудшие души, но как ни странно, эта гнилая схема работает.

— Я так понимаю, выбора нет? — спросил Глеб. Он уже успел успокоиться, и потом, остров закалил его.

— Если бы не было выбора, я применил бы шантаж и угрозы, — любимые методы в воспитании детей. Тебя сейчас мучает ворох мыслей. Давай я немного приберусь в твоей голове. Дело в том, что все выжившие проходят одинаковые стадии страха, отчаяния, ненависти, и как следствие — у всех возникают одни и те же вопросы. Значит так, отвечаю:

Во-первых, никто тебя больше не тронет, ты свое отстрадал. Вторых, нас не волнует, будешь ли ты рассказывать о Назарете или нет. Все продумано еще до твоего рождения. Назарет стоит на таком фундаменте, что хоть лично президенту жалуйся — ничего не поможет. Кстати, представь себе заявление в милицию: «Я, такой-то, был похищен утром такого-то числа из кровати любовницы, лишен пальца на руке и закинут на необитаемый остров, где полгода был вынужден питаться тюленями»... Тебя сразу же увезут в известное заведение.

— Мне ничего не нужно...

— Тихо-тихо-тихо, — затараторил Климентий. — Сначала условия. Если соглашаешься, Назарет решит твои финансовые вопросы. Например, мы подарим тебе пластиковую карту. Раз в неделю будешь получать жалованье. Внезапное появление денег оправдаем как-нибудь — это мелочи. Парень до тебя получил в качестве подарка за вступление кофейню. Чтобы ты знал, мы не всем предлагаем вступить в Назарет, до тебя 254 человека прошли сквозняком. Есть и женщины в наших рядах, ну ты, впрочем, сам знаешь.

Все это время собеседники стояли неподвижно, как герои вестерна, испытывающие нервы друг друга на пистолетной дуэли, но сейчас Глеб почувствовал свободу. Внезапная усталость навалилась тяжелым грузом на спину. Не было ни страха, ни обиды — все это он растерял на острове. Скорее, он осознал, что путь пройден, коряво, с падениями, но все-таки пройден, и сейчас надо сделать выбор, но уже нет сил решать.

— Мне нужно...

— Подумать, — перебил Климентий. — Правильно, всем нужно подумать... Теперь условие работы: иногда, может, раз в месяц или в полгода, ты будешь получать сообщение на телефон с приглашением на разговор. Тебе скажут, что делать. Задачи могут быть разные, как в нашей стране, так и за рубежом, но пальцы резать не придется, не волнуйся, для этого у нас есть отдельные специалисты... Вот, возьми, — сказал он, достав из кармана клочок бумаги с семизначным номером телефона. — Какое у нас сегодня число? — Он посмотрел на часы. — Семнадцатое; вот через неделю, двадцать четвертого, позвонишь по этому номеру ровно в шесть утра и скажешь свое решение.

— Мне нужно идти, — сказал Глеб, спрятав листок в карман.

Климентий широким жестом указал на лестницу.

Ступеньки плыли под ногами, но Глебу удалось удержать равновесие и выйти из каменного мешка на свободу. От холодного ветра заслезались глаза. Спальный район города, в котором он прожил так много лет, показался совершенно чужим миром. Равнодушный снег лежал нетронутым покрывалом на земле, наспех спрятав каменья замерзшей грязи.

* * *

«Уехали отдыхать», — повторял Глеб, пока машина неслась к загородному дому родителей, в котором, будучи школьником, он проводил летние каникулы, а потом они сдали старую квартиру на улице Шмидта и переехали сюда окончательно.

Непонятная улыбка Глеба и непрерывное бормотанье под нос явно раздражали водителя. Тот врубил музыку на полную мощность, так что в колонках послышался крип.

Проехали мимо яблоневого сада, в котором с друзьями в первый раз попробовал водку.

— Примерно через пять минут появится гравийная дорога, по ней — прямо, потом поверни у синего трансформатора налево, доведи до тропинки, а дальше я сам, — проорал на ухо водителю. Тот кивнул и, закурив сигарету, заполнил салон никотиновым туманом.

Кергеленские ветра выдули из Глеба прежние привычки и предпочтения, но ненависть к шансону все-таки осталась. Он даже не понимал, от песен тошнит, или от сигарет.

По дороге репетировал разговор с отцом, как тогда, в школе, когда очень хотелось пожаловаться на физрука.

Представлял себе несколько вариантов:

Будет орать: «Ты хоть думал, с кем имеешь дело?.. Зачем?..» Или молча будет смотреть на отца, и тот не выдержит взгляда, извинится, скажет, что «Не хотел... Просто получилось так...» — «Как? — возмущался Глеб на воображаемый ответ отца. — Получилось — да я видел бумагу подписанную тобой!»

Загородный дом.

«Откуда у отца деньги взялись на такие хоромы? Неплохо для простого электрика», — думал Глеб, спеша натоптанной тропинкой к выглянувшему из-за поворота дому. Каждый квадратный сантиметр этой дороги был протоптан его детскими подошвами, исполосован велосипедными покрышками.

Услышал за спиной тяжелую поступь, забыл про внутренний диалог, оглянулся и увидел неприлично большой джип черного цвета. Машина остановилась у ворот родительского дома, из нее высыпалась целая россыпь детей, которые в момент разбежались в разные стороны, заполняя гвалтом все вокруг.

Глеб тщето пытался опознать в этих людях родственников, пусть дальних, или хотя бы просто знакомых. Нет.

— Извините, — окликнул кругленького старика, который вылез вслед за детьми и пытался перекричать их, бросая им в спины какие-то наставления, — а где Георгий Витальевич?

— Не знаю, — искренне удивился старик.

— Слушайте, это загородный дом моих родителей, Георгия и Софии, что вы так смотрите на меня? Где они?

— Теперь мы живем. Два месяца уже, — с выдуманной улыбкой ответил старик, опасливо озираясь на дом: не заметит ли кто странного человека, не выйдет помочь... — Могу документы показать... — Потом будто вспомнил что-то, засуетился, достал из кармана телефон прочитал с дисплея: — Вергут Глеб Георгиевич?

— Да. Это я.

— Шмидта 63, корпус 2, квартира 46. Они там сейчас живут, чуть не забыл...

— Можно от вас такси вызвать?

— Ага, — старик протянул телефон. — 555-03-18, — сказал он, поймав вопросительный взгляд Глеба.

Назвал диспетчеру адрес и только потом вспомнил, что денег нет.

«Отдам водителю пальто, все равно велико», — решил Глеб.

ШМИДТА, 63...

Тот же двор. Ничего не изменилось, разве что детскую площадку построили новую, из пластика. Раньше вообще ничего не было, просто росла трава, и он с друзьями играл в футбол, воротами служили камни, условно обозначающие штанги.

Вдруг до боли вспомнилось все: настолько отчетливо, невыносимо отчетливо, картины детства пронесли со скоростью звука, но все же их можно было разглядеть.

Вот Глеб босиком бежит за пломбиром, лето на дворе, ему 10 лет, он чувствует бетонный холод ступенек, прохладу подъезда. В руке зажаты монеты, про себя он повторяет, какая должна быть сдача.

Гаражи на месте, возле них он впервые сел на велосипед. Отец в тот день все переживал: Глеб никак не мог научиться поворачивать, постоянно падал, сбил локти и колени...

Слабость в ногах пришла одновременно с бешеным сердцебиением. Старые петли заскрипели. Подъезд ничуть не изменился: запах кошачьей мочи, тусклый свет, местами обгрызенные ступени.

«Почему отец с мамой переехали в старую квартиру? — спрашивал себя Глеб. — И что за тип живет в их, теперь уже бывшем, доме?» Эту квартиру больше десяти лет сдавали студентам по чисто символической цене.

От волнения Глеб постучал сильнее обычного.

«Как вести себя? Неизвестно, знает ли мама о Назарете, может, отец ничего не сказал».

Незадолго до всех этих событий он заезжал к родителям. Разлука была недолгой, они уже привыкли, что Глеб может пропасть на несколько месяцев, даже не позвонив ни разу, но Глебу казалось, что дверь ему откроют безнадежно старые люди — а как иначе, ведь целая жизнь прошла, какие там два месяца: это была вечность — спрессованное, концентрированное время, настолько приторное, горькое и тягучее, что в нем можно завязнуть, как в болоте.

Но ничего такого не произошло. Дверь открыла мама, как обычно бросилась Глебу на шею: «Совести у тебя нет, Кира извелась, я уже молчу о нас с отцом».

Отец стоял за ней, как бы наблюдая реакцию Глеба, пытаясь понять, знает ли сын, что это отец его отдал в руки Назарету.

Они несколько секунд стояли молча, Глеб поймал взгляд отца на руке, лишенной пальца. Отец отвернулся в сторону, нервно почесал переносицу, потом ушел в ванную комнату, умылся. Мать ничего не заметила. Когда он вышел, глаза все еще были красные.

— Прости, сынок, — шепнул на ухо Глебу, крепко сжимая сына в объятиях.

— Я быстро, парни, — сказал мама, заторопившись куда-то с кошельком в руках.

— Садись, — попросил отец, указывая на кресло. — Объясню все.

— Я видел договор с Назаретом, подписанный тобой, — он пытался говорить медленно, но слова вылетали пулями. — Откуда ты их знаешь?!

— У нас мало времени, скоро мама вернется, слушай: я — часть Назарета.

Тут Глебу стало совсем нехорошо. Он привстал, сел, снова поднялся на ноги, зачем-то пнул пылесос, сломав пластиковый корпус.

— Нет, ты не подумай, — торопливо продолжил отец. — Я мелкая сошка, так, — он начертил пальцами невидимую дугу, — выполняю небольшие поручения...

— Зачем, пап?..

Стало жутко обидно, как тогда в детстве, когда соседка Элина заболела желтухой, и папа предложил пятилетнему Глебу прогуляться, а на самом деле повел на прививку. Тогда в детской душе это вызвало большой резонанс. Глупо вроде сравнивать, но почему-то именно об этом подумал Глеб.

Отец отвел взгляд в сторону, затем наклонился к пылесосу, стал при- ставлять треснувшие обломки корпуса ближе друг к другу, будто ждал, что они сейчас сростутся.

— Двадцать лет я с ними, — он сильнее придавил осколки, значительно увеличив трещину. — Не мог смотреть, как ты погибаешь. Думаешь, я ничего не знал? Думаешь, ты такой великий конспиратор? Да весь город знает, что ты дилер, что подкупил нужных ментов и теперь спокойно торгуешь своей дрянью, — отец перешел на сдавленный шепот. — На моих глазах ты стал превращаться в животное. Семью потерял, с какими-то шлюхами стал водиться, сам употреблял. Не надо так на меня смотреть, я нарика за километр вижу. Хочешь знать, что было бы с тобой дальше, не попади ты в лапы Назарету? — спросил он, измеряя комнату шагами. — Тебя или убили бы, или ты сам бы сдох медленной наркоманской смертью...

— Что касается «сдох», то это почти произошло, — сказал Глеб, обращаясь как бы не к отцу, а куда-то в пространство.

Он чувствовал усталость, но вместе с тем некое освобождение. Старый рюкзак, набитый ненужными вещами, белым порошком, списком должников, сорвался с плеч и затерялся где-то в кергеленской траве. Он почувствовал остроту жизни, ее быстрое течение. Увидел насквозь прогнившую идею созерцания далекого будущего, которого, может быть, и нет вовсе, и возненавидел себя. Как теперь жить с ненавистью к себе самому? Сквозь обиду, отрезанный палец, продрогшие насквозь кости, — он был благодарен. «Вот так, — говорил он себе, — таких тупиц, как ты, Господь ведет к истине через тридевять земель, с дебилами всегда так, они ведь в упор не видят собственного счастья, как, в общем-то, и горя».

— Почему Карина с Кирой недоступны? — спросил кто-то вместо Глеба.

— Они в Питер уехали, сынок, на несколько дней, телефоны оставили, — раздался голос мамы из прихожей. Глеб не слышал, как она вошла.

Мама отправилась на кухню, и через какое-то время оттуда прилетели запахи чего-то жареного, вредного, по-домашнему теплого.

— Почему вы здесь? Что с домом? — шепотом спросил Глеб.

— Я продал его, — спокойно ответил отец, увидев во взгляде Глеба, что он понял, почему.

— Заплатил Назарету?

Отец кивнул.

— Останешься сегодня у нас с ночевкой? — спросила мама; выглянув из кухни, она вытирала руки маленьким полотенцем.

— Конечно, мам, — улыбнулся Глеб. — Я как будто вечность не видел вас.

...Они еще долго разговаривали после ужина. Глеб чувствовал такую степень усталости, что не мог сейчас говорить с отцом.

Проснувшись посреди ночи, он вошел в отцовскую комнату.

Глеб не стал включать свет, поэтому в полной темноте не мог понять, спит отец или нет.

— Я подружился с крысой. Ее зовут Андрей, слышишь, папа? — Глеб подошел ближе. Отец спал, вблизи он услышал его ровное дыхание. — Там еще был настоящий отшельник, бывший китобой.

Экран мобильного телефона показал 3.30 ночи.

— Спасибо, пап, — он поцеловал спящего отца в лоб и, скрипя половицами, пошел в свою комнату.

«Скоро Кира с Кариной вернутся», — он несколько раз произнес эту фразу, проваливаясь в глубокий сон.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Настало время все объяснить. Мой рассказ о Глебе сложился из двух половинок. Первая часть взята из наших бесед. Вторая часть — это, можно сказать, сюжет для отдельной книги, но я воздержусь от нахлынувшей графомании и все-таки закончу повесть.

Итак, откуда мне известно, что происходило с Глебом после моего ухода?

Тихой предательской поступью я удалялся с места казни, но через несколько шагов остановился, прижался к земле, дополз до бугра недалеко от подвала, где хранились угольные брикеты.

Видел, как Глеб стоит на коленях, слышал, как он обращался к дочери, кричал, размахивал перед собой руками, будто разрушая невидимое препятствие.

Тогда я подумал, что он с ума сошел...

Так же незаметно отполз на несколько десятков метров и побежал к берегу.

Когда небо окрасилось салютом, я подумал, что это убийцы таким образом празднуют победу.

Потом я увидел свою лодку, точнее то, что от нее осталось. Деревян-

ные обломки были разбросаны по берегу. На острове нет материала для постройки новой лодки. Я с ужасом осознал, что придется остаться здесь навсегда. Жилище Глеба разваливается на глазах, неизвестно, сколько еще простоит вагончик под натиском ветра.

Не знаю, что произошло, но мой страх перед смертью сменился ненавистью. Развернувшись, я практически побежал к месту казни, но там никого уже не было. Только пустые упаковки от фейерверков инородным телом лежали на пожухшей траве.

Несколько угольных брикетов помогли растопить печь. Я никак не мог решить, что делать дальше, да и вариантов было немного. Жить. Просто жить, но уже в менее комфортных условиях.

Так и просидел я некоторое время, тупо уставившись на стену с зарубками, пока дверь моего вагончика не отворилась.

Вы, конечно, догадались, кто пришел...

Андрей!

Один, без верзил.

Он по-хозяйски развалился на кровати и начал задавать вопросы. Этакое остервено с пистолетом.

Интересовало его все: откуда я взялся? как мы познакомились? сколько плыть до соседнего острова? чем питался Глеб? что он рассказывал о себе?

В общем, он несколько часов мытарил меня, заставил пожарить мясо, потом заставил вместе с ним это мясо есть...

Но вот что действительно странно. Он сказал, что Глебу ничего не угрожает. Что это был курс молодого бойца, и мне скоро представится возможность поговорить с ним по телефону.

Андрей подарил мне надувную лодку и насос в обмен на обещание сотрудничать. Вот в чем заключалось сотрудничество...

— Мы немного перегнули палку, он мог умереть, — с равнодушным видом сказал Андрей. — Поэтому нужен контроль.

— Кто вы такие?

— Глеб все расскажет, не хочу тратить время.

— Хорошо.

— У тебя будет спутниковый телефон, набор необходимых медикаментов, новая теплая одежда.

— Что нужно делать?

— Когда очередной бедолага прибудет на остров, ты как бы случайно с ним познакомишься и будешь нас периодически информировать...

В случае опасности мы дадим соответствующие инструкции. Вдумаешь открыть правду о нас бедолаге, закинем тебя куда-нибудь в мангровые заросли, понял?

— Какую правду?

— Я же сказал, Глеб расскажет.

Андрей сказал, что через полчаса я смогу найти все вышеперечисленные вещи у скалы Данте, и ушел. Он сдержал слово. Лодка, насос, спутниковый телефон с большой коробкой батареек, тяжеленный тулуп, ватные штаны и довольно внушительных размеров аптечка.

Я благополучно добрался до своего маленького острова.

Все это сумасшествие никак не вязалось в логическую цепочку. Я как будто смотрел на сложнейшую шахматную задачу, не видя ни одного перспективного хода.

Андрей сдержал обещание, и через неделю мой спутниковый телефон запел монофоническим фальцетом. Я ответил, и мы говорили, казалось, целую вечность. Я знал, что мы больше не увидимся. Этого разговора хватило для того, чтобы закончить книгу. Я восполнил все пробелы, расставил по местам события из жизни Глеба. Благодаря Назарету, рукопись попала на Большую землю и через год (естественно, с одобрения Верховного) вышла книга «Дневник Китобоя» тиражом 50 000 экземпляров. Эта книга стала символом безнаказанности и неуязвимости мощной организации только лишь потому, что никто не поверил бы в реальность описываемых событий. Андрей отвечал на мои бесчисленные вопросы, содействовал в написании.

Мы с Глебом стали частью «Назарета», но с тех пор больше не виделись.

